

Н. В. Витрук

В. Г. Короленко —
писатель и правозащитник

Н. В. Витрук

**В. Г. Короленко -
писатель
и правозащитник**

Ижевск «Удмуртия» 2003

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)
В54

Всем, кому не безразличны
права и свободы человека, —
посвящаю

Автор и спонсор издания —
доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
Н. В. Витрук

На фронтисписе использована репродукция с портрета
В. Г. Короленко работы **П. В. Ёлкина**

Витрук Н. В.
В54 В. Г. Короленко — писатель и правозащитник.— Ижевск:
Удмуртия, 2003.— 72 с.
ISBN 5-7659-0197-2

Настоящее издание посвящено 150-летию со дня рождения Владимира Галактионовича Короленко (1853—1921), великого русского писателя-гуманиста, публициста, общественного деятеля. Обширное творчество и кипучая энергия В. Г. Короленко, всегда находящегося в оппозиции к царскому самодержавию и большевизму, были направлены на утверждение достоинства и прав человека и гражданина, свободы и справедливости в обществе. В работе наряду с характеристикой основных этапов жизни и творчества В. Г. Короленко показана его многообразная правозащитная деятельность.

Издание предназначено для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)

ISBN 5-7659-0197-2

© Витрук Н. В., 2003
© Издательство «Удмуртия», 2003

От автора

Первоначальный замысел издать небольшой очерк к 150-летию со дня рождения великого русского писателя-гуманиста и правозащитника Владимира Галактионовича Короленко сводился к намерению показать его роль в Мултанском деле, имея в виду известную заинтересованность автора в удмуртской тематике. Более внимательное ознакомление автора этих строк с жизнью и творчеством Короленко открывало все новые, в какой-то степени неожиданные, грани его таланта. Материал увлек, захватил своей остротой, актуальностью, созвучностью современности. Читая произведения Короленко, поражаешься таланту художника слова, сумевшего показать все срезы российского общества, типы людей, своеобразие их «русской души», философской обобщенности, подчас парадоксальности мыслей писателя, богатству его языка, умению передать гармонию образов людей и природы, глубину эмоций, переживаний человека. Часто ловишь себя на мысли, как современны суждения, идеи писателя-публициста и общественного деятеля, как много возникает параллелей в событиях и явлениях прошлого и настоящего, как действенен гуманизм и значимо гражданское поведение Короленко, как созвучны они собственному мироощущению и миропониманию. Восхищает личное мужество писателя-правозащитника, последовательного борца против беззакония и произвола властей. Светлая, бескорыстная жизнь Короленко — блестящий пример для подражания. После публикаций писем Короленко к А. В. Луначарскому, издания фрагментов его дневников, ряда публицистических работ, в которых он открыто критикует большевизм как социальное явление, становится ясно, почему в советское время к нему и его творчеству было настороженно-сдержанное отношение со стороны официальных властей и официальной науки. Наиболее полное осмысление художественно-

эстетических, социально-политических, правовых взглядов Короленко, его роли в жизни России в самые крутые повороты ее истории еще впереди.

Решающим мотивом в желании откликнуться на 150-летний юбилей Короленко послужил следующий факт. Находясь в командировке во Франции, в Страсбурге, где небольшая делегация судей Конституционного Суда Российской Федерации знакомилась с работой Европейского Суда по правам человека, в большом книжном магазине на центральной площади города автор этих строк наткнулся на маленькую изящную книжечку, содержащую на французском языке рассказ Короленко «Сон Макара» («Le songe de Makar»). Она сразу же привлекла внимание прекрасным полиграфическим исполнением на мелованной бумаге с современными иллюстрациями художника П. Кичилова (Paul Kichilov), не лишенными единства стиля. Это издание вызвало гамму чувств и удивление, что кого-то во Франции заинтересовал рассказ Короленко о бедном, забитом Макаре из далекой сибирской Якутии, а сам рассказ перевели на французский язык, издали, иллюстрировали. Я же с трудом мог вспомнить, о чем этот рассказ. И только его прочтение по прибытии домой дало объяснение, чем вызвано издание «Сна Макара»: в мире чтят Короленко как писателя-гуманиста, бесстрашного правозащитника, вставшего на сторону задавленного нуждой Макара, который на Высшем Суде не только протестует, но и обличает всех тех, кто гонял его всю жизнь, — старост, старшин, заседателей, исправников, попов. Гоняли Макара нужда и голод, морозы и жара, дожди и засуха, промерзлая земля и злая тайга, вопреки общечеловеческому императиву, сформулированному Короленко: «Человек создан для счастья, как птица для полета». И сегодня короленковские Макары открыто и протестно заявляют свои человеческие права. Отсюда и возникло желание написать очерк о жизни и творчестве Короленко, показав на конкретных примерах его многостороннюю кипучую деятельность во имя человека, его прав и свобод.

Отбор тем и сюжетов диктовался жизненной канвой Короленко, а также профессиональными интересами и вкусом автора настоящего очерка. Он, естественно, мог быть подготовлен лишь на основе составленной П. И. Негретовым летописи жизни и творчества Короленко в 1917—1921 годы, имеющихся публикаций тех, кто сотрудничал, знал и общался с Короленко, а также исследователей его творчества.

Настоящий очерк есть дань уважения и памяти великого русского писателя, публициста, общественного деятеля, правозащитника Владимира Галактионовича Короленко, 150-летие со дня рождения которого с особой благодарностью будут отмечать и в Удмуртии. Имя Короленко не сотрется из памяти удмуртского народа, народов России, всего мира.

Н. В. Витрук

Подвижники нужны, как солнце. Составляя самый поэтический и жизнерадостный элемент общества, они возбуждают, утешают и облагораживают.

А. П. Чехов

Основные этапы жизни и творчества

В Житомире в семье Короленко — уездного судьи Галактиона Афанасьевича и дочери польского шляхтича Эвелины Иосифовны — 15 (27) июля 1853 года родился мальчик Володя, вошедший в мир «с ясными открытыми глазами, в которых отражается земля и небо, и с чистым сердцем, готовым раскрыться на все прекрасное на земле» («Сон Макара»). Впоследствии Владимир Галактионович Короленко стал честнейшим писателем земли российской, совестью русского народа. Как отмечали соратники по писательскому цеху, лучшим его произведением был «он сам, вся его жизнь, его существо». Все, кто работал, общался с ним, говорят о нем как о праведнике, подвижнике-рыцаре, исключительной, светлой, чудесно-благородной, идеально-чистой личности. Своим искренним творчеством, общественной деятельностью Короленко утверждал достоинство и права человека, веру в человека. Глубокими по смыслу и крылатыми по популярности стали его слова: «Человек создан для счастья, как птица для полета».

Детство Короленко прошло в Житомире, затем в Ровно, где он с серебряной медалью закончил реальную гимназию. Воспитывался, по современным меркам, в многодетной семье (было три брата и сестра), в которой исповедовали две религии (православие и католичество) и говорили на трех языках. Влияние родителей было благотворно-гуманным. Отец умер рано, не дослужив до пенсии. Семья получала мизерное пособие, и нужду будущий писатель будет испытывать долгие годы, в том числе во время учебы в технологическом и горном институтах в Пе-

тербурге, в Петровской земледельческой и лесной (ныне Тимирязевской сельскохозяйственной) академии под Москвой. Однако закончить их В. Г. Короленко не удалось по другим причинам.

Оканчивая гимназию, Короленко мечтал о поступлении в университет и о будущей адвокатской деятельности, как дающей наибольшие возможности для защиты обездоленных, слабых и всех, кто в ней нуждался. Как справедливо отмечает В. А. Мякотин, в годы учебы «властителем» мыслей студента Короленко были идеи, которые развивал Н. К. Михайловский на страницах «Отечественных записок», о высшей ценности и самодовлеющем значении человеческой личности, о связи личности с обществом, о необходимости служения народу, о перестройке государственной и общественной жизни по идеалам правды и справедливости, не отступаясь от своих взглядов и убеждений¹. В соответствии с этими идеями Короленко мечтал об уходе в народную жизнь, о слиянии с народом. Уход этот вскоре совершился, но осуществился не в той форме, в какой представлял его себе сам Короленко.

Осенью 1871 года Короленко поступает в Петербургский технологический институт, а уже в конце 1873 года перебирается в Москву и поступает в Петровскую академию, где сближается с передовыми студентами, участвует в сходках, в создании библиотеки запрещенных книг, читает нелегальную литературу. За подачу написанного им коллективного протеста против действий администрации в связи с арестом одного из студентов Короленко исключен из академии, арестован и сослан в Вологду, а оттуда губернатором — в Великий Устюг «в видах водворения спокойствия между студентами». Родным удалось вызволить ссыльного студента. В. Г. Короленко поселили под гласный надзор полиции в Кронштадте. К февралю 1874 года политически неблагонадежными были признаны, арестованы и в административном порядке высланы его братья и муж сестры. Получив разрешение проживать повсеместно, Короленко через год в Петербурге поступает в Горный институт. Но уже через восемь месяцев, в марте 1879 года, по доносу он был опять арестован и без следствия и суда, без объяснения причин вновь выслан в административном порядке в г. Глазов Вятской губернии. В официальной, сопроводительной бумаге значилось, что Короленко

¹ См.: *Мякотин В. А.* В. Г. Короленко (15 июля 1853 — 25 декабря 1921). М.: Земля, 1922. С. 13—14.

выслан «в виду знакомства с лицами, принадлежащими к социально-революционной партии, и указаний на участие в печатании и распространении революционных изданий вольной типографии». И этих «указаний», не проверенных и даже не предъявленных самому Короленко, оказалось достаточно для высылки его в Глазов. В. Г. Короленко подал шефу жандармов заявление с требованием законного расследования своего дела. По прошествии пяти месяцев Глазовская администрация со своей стороны постаралась вскоре избавиться от «беспокойного и вредного» высланного, слишком рьяно вступавшего за права других ссыльных, и отправила его в отдаленную волость — в одинокий Березовый починок, затерянный в глухом, непроезжем лесу. А еще через три месяца опять же по ложному доносу урядника о «самовольной отлучке с целью побега», не расследованному и не предъявленному самому Короленко, он был отвезен в Вышневолоцкую политическую тюрьму, где провел почти полгода, а оттуда отправлен по этапу в далекую Якутию. По дороге, уже в Томске, была выявлена ложность доноса, и он был возвращен в Пермь под надзор полиции. В августе 1881 года при воцарении Александра III от Короленко, как от административно высланного по политическому делу, наряду с общей коллективной, потребовали особой, личной, присяги. Он отказался принести такую присягу, мотивировав свой отказ велениями совести, и был за это снова отправлен в Якутию. Прожив три года в слободе Амге, в сотнях верст от Якутска, он получил возможность вернуться в европейскую часть России, но еще в течение ряда лет оставался ограниченным в своих правах, не имея, в частности, права жительства в столичных городах. С 1885 года Короленко было разрешено поселиться в Нижнем Новгороде. Итак, шесть лет, проведенные Короленко в тюрьмах, на этапах, в ссылках, стали его «университетом», «хождением в народ».

Формирование мировоззрения, воли и характера Короленко проходило в годы беспросветной реакции, когда на него выпали большие испытания. Он постоянно был под неусыпным надзором полиции, гласным и негласным, пережил аресты, находился в тюрьмах, столичных и провинциальных, в административной высылке, пребывал в арестантских партиях, шедших по этапу, на поселении в далеких уголках Российской империи. Однако эти испытания и лишения не сломили и не озлобили его, не ослабили его энергии, а лишь закалили его волю и характер.

В годы личных испытаний он общался с представителями разных слоев общества, работая чертежником, корректором, сапожником, письмоводителем, табельщиком и т. д., что дало ему реальное и неоднозначное представление о народной жизни, самом народе, его быте и психологии.

В 1885 году Короленко поселился в Нижнем Новгороде. «Десять лет в провинции» в эпоху глухого безвременья для Короленко — это период создания семьи, его кипучего писательского труда, активного сотрудничества в журналах и газетах, многогранной общественной деятельности. Время, проведенное в Нижнем Новгороде, было названо «временем», «эпохой» Короленко. Именно в этот период его произведения получают самое широкое читательское признание, сам он выдвигается на одно из первых мест в русской литературе. В. Г. Короленко сплотил вокруг себя бывших ссыльных, передовых деятелей земского движения, демократической интеллигенции. Как известно, в Нижнем Новгороде Короленко увлекла работа газетного корреспондента, он стал постоянным летописцем местной провинциальной жизни, стремясь, по словам В. А. Мякотина, «осветить светом гласности самые глухие его закоулки, вызывая на суд общественного мнения лиц, которые считали себя вполне застрахованными от такого суда»¹. В течение многих лет В. Г. Короленко вел газетную кампанию по разоблачению махинаций чиновников в нижегородском дворянском банке, печатным словом защищал права потерпевших, отстаивал начала законности и самоуправления. В условиях крайне стесненной свободы слова в провинции выступления Короленко в печати, посвященные конкретным фактам местной жизни, имели немалое значение. Благодаря его публицистическому таланту они приводили мысль читателя к обобщающим выводам большого общественного звучания по злободневным вопросам российской жизни.

Живя в Нижнем Новгороде, Короленко изъездил и на лодке, и на пароходе Волгу, Ветлугу и Керженец, исходил пешком Верхний Урал, заволжские леса, изучил жизнь приокских рабочих-кустарей, старообрядцев и других сектантов, жителей малых захолустных городков и крестьян, инородцев Поволжья. В 1893 году он совершает ряд заграничных путешествий по Западной Европе, был в Америке на Всемирной выставке, в Румынии, на Дунае у казаков-некрасовцев.

¹ *Мякотин В. А.* В. Г. Короленко (15 июля 1853 — 25 декабря 1921). М.: Земля, 1922. С. 23.

Максимальная самоотдача в общественной деятельности в «голодный год» и особенно участие В. Г. Короленко в 1895—1896 годы в судебных процессах по уголовному делу удмуртов-крестьян из села Старый Мултан, обвиненных в человеческом жертвоприношении (Мултанское дело), а также смерть двух малолетних дочерей (в 1893 и 1896 годах) вызвали у Короленко тяжелое нервное расстройство, острую бессонницу. Здоровье писателя резко пошатнулось.

В 1896 году В. Г. Короленко с семьей переезжает в Петербург, а в сентябре 1900 года — в Полтаву. В Петербурге Короленко — вместе с Н. К. Михайловским до 1904 года и другими членами редакции — руководит журналом «Русское богатство», продолжает быть редактором этого журнала и в Полтаве, вплоть до его закрытия советской властью в 1918 году.

В. Г. Короленко — яркий образец русской интеллигенции, воплотивший лучшие ее черты — любовь к страдающему народу и способность откликаться на его нужды, веру в добро, в красоту человеческой души, в творческую силу благородных идей, преклонение перед правдой-истиной и правдой-справедливостью. Такую веру воспевал В. Г. Короленко, такую верой он горел сам и зажигал других.

В 1900 году В. Г. Короленко пишет очерк — стихотворение в прозе — «Огоньки»¹:

«Как-то давно, темным осенним вечером, случилось мне плыть по угрюмой сибирской реке. Вдруг на повороте реки, впереди, под темными горами мелькнул огонек.

Мелькнул ярко, сильно, совсем близко...

— Ну, слава богу! — сказал я с радостью, — близко ночлег!

Гребец повернулся, посмотрел через плечо на огонь и опять апатично налег на весла.

— Далече!

Я не поверил: огонек так и стоял, выступая вперед из неопределенной тьмы. Но гребец был прав: оказалось, действительно далеко.

Свойство этих ночных огней — приближаться, побеждая тьму, и сверкать, и обещать, и манить своей близостью. Кажется, вот-вот еще два-три удара веслом, — и путь кончен... а между тем — далеко!..

¹ «Огоньки» созданы Короленко экспромтом и записаны в альбом на вечере писательницы М. В. Ватсон. 4 мая 1900 года он воспроизвел этот очерк в своей записной книжке. В печати «Огоньки» впервые появились в литературно-художественном сборнике «Помощь евреям, пострадавшим от неурожая» (Петербург, 1901). Эта прозаическая миниатюра имела большой успех. Очерк много раз перепечатывался в различных изданиях и часто читался с эстрады и на литературных вечерах.

И долго еще мы плыли по темной, как чернила, реке. Ущелья и скалы выплывали, надвигались и уплывали, оставаясь назади и теряясь, казалось, в бесконечной дали, а огонек все стоял впереди, переливаясь и маня,— все так же близко и все так же далеко...

Мне часто вспоминается теперь и эта темная река, затененная скалистыми горами, и этот живой огонек. Много огней и раньше и после манили не одного меня своею близостью. Но жизнь течет все в тех же угрюмых берегах, а огни еще далеко. И опять приходится налегать на весла...

Но все-таки... все-таки впереди — огни!..»

Отвечая в 1912 году читательнице Е. А. Чернушкиной из Томска, Короленко писал, что «жизнь состоит в постоянном стремлении, достижении и новом стремлении» и «человечество уже видело много «огней», достигало и стремилось дальше». Исповедально и как завет новым поколениям людей звучат слова Короленко: «И теперь опять мы на трудном пути, и впереди новые далекие огни. Самое большее, на что можно надеяться, это — чтобы у людей становилось все больше силы желать, стремиться, достигать и опять стремиться. Если при этом люди научатся все больше помогать друг другу в пути, если будет все меньше отсталых, если на пройденных путях будет оставаться все больше маяков, светящих вперед, если формы взаимной борьбы будут становиться все более человеческими, а впереди будет все яснее,— то это и значит, что счастья будет все больше, потому что счастье только в жизни, а жизнь вся — стремление, достижение, новое стремление». Огоньки — это цели, идеалы, ценности на жизненном пути человека и всего человечества. Для В. Г. Короленко такими огоньками (маяками) в жизни были вера в человека, в правду и справедливость, воплощенных в праве, в законности и правосудии. В. Г. Короленко неустанно повторял: «Нужно уважать человека и его непосредственное человеческое искание правды. Нужно уважать его свободу»¹.

Все свои симпатии Короленко отдал народной массе с ее запросами, нуждами и стремлениями, миру униженных и страдающих, людям, придавленным жизнью и судьбой. В. Г. Короленко многократно убеждался в лучших качествах простых людей, но знал он и темные, неприглядные стороны народной жизни и без каких-либо прикрас отражал их в своем творчестве. Писатель обладал светлой, глубокой верой в то, что они могут быть устранены, что мрак невежества и суеверия будет рас-

¹ Негретов П. И. В. Г. Короленко. Летопись жизни и творчества. 1917–1921 / Под ред. А. В. Храбровицкого. М.: Книга, 1990. С.23.

сеян прогрессом знания и культуры, что человеческий разум и человеческая совесть исправят существующий порядок жизни.

Народный поэт Удмуртии Олег Поскребышев в балладе, посвященной пребыванию Короленко в удмуртской ссылке, отмечает короленковское обращение к сирым и забитым «инородцам» «на колени не вставать», его роль в пробуждении их душевной тяги к дальним-дальним огонькам.

Так и было, что когда-то
Над туманною Чепцой
Жил он в ссылке —
Бородатый,
Рослый,
Сильный,
Молодой.
Черных туч глухая сила,
Дым кадил и образа —
Все в ту пору обносило
Людьми разум и глаза.
Как хотелось уберечь их
От удушья нищеты,
А сознание человечье
Излечить от слепоты!
Сам неся неутомимо
На плечах двойную кладь,
Он учил
Под черным дымом

На колени не вставать.
Сирых он учил бороться,
Размыкать — немых — уста
И забитым «инородцам»
Верным русским братом стал.
Трубный голос
С жаркой силой
Возносил он в небосвод:
— Ведь ослеп ты вовсе, милый,
Задохнулся же, народ! —
...И уже сквозь мрак и серость,
Вперекор доле злой,
В первый раз ясней смотрелось,
Дальше виделось впервой.
Обжигала грудь отвага,
Первый ропот возникал,
И в душе рождалась тяга
К дальним-дальним огонькам...¹

В. Г. Короленко твердо стоял на земле и в то же время был романтиком и лириком мысли и чувства. Он искал идеалы в стародавнем либо мечтал построить свой новый град Китеж («На Светлояре»). Он — реалист-романтик, солнечный оптимист: «осуждать жизнь за страдания значит быть несправедливым по отношению к ней». Целительная мощь природы, вечно восходящее солнце всякий раз рождает новую чудную песнь земли, которую услышал даже бедный, забитый Макар. И, услышав ее, он хотел вечно слушать эту чарующую гармонию звуков души человечества.

Герои произведений В. Г. Короленко — сильные, самостоятельные, свободолюбивые, гордые, непокоренные, активные типы из народной среды. Как отмечает Д. С. Мережковский, Короленко намеренно выбирает своих «униженных и оскорбленных» в самых грязных «подонках общества», в среде преступников, бродяг, нищих,

¹ Поскребышев О. Баллада о печной трубе // Край родниковый / Сост. П. Ф. Куляшов и А. Г. Шкляев. М.: Современник, 1984. С. 120—123.

беглых каторжников, которые открыто и протестно заявляли свои человеческие права¹.

В марте 1880 года в камере Вышневолоцкой политической тюрьмы В. Г. Короленко написал рассказ «Чудная», распространявшийся по спискам и получивший сразу широкую известность (напечатать его в России удалось лишь в 1905 году). Героиня рассказа — больная, умирающая, но гордая и непреклонная ссыльная революционерка, о которой ее товарищ говорит жандарму: «Сломать ее можно... Ну а согнуть, — сам, чай, видел: не гнутся этакие». Прототипом «Чудной» была народоволка Э. Л. Улановская, трижды осужденная царским судом (с ней В. Г. Короленко встречался в ссылке).

В рассказе «Сон Макара» бедный и «объякутившийся» поселенец — крестьянин Макар, напившись пьяным, засыпает в лесу и видит сон, будто он умер, вознесся на небо и предстал перед судом мудрого Тойона. Приговор Тойона был суровым: за пьянство, воровство и леность решено было отдать бедного Макара церковному сторожу в мерины, чтобы тот «возил на нем исправника, пока не заедит». Макар стал решительно протестовать против такого решения Тойона. Он ощутил в себе силу и убедительность своих аргументов, ибо нет у него греха. Макар не только протестует, но и обличает. Как и мерины, его гоняли всю жизнь: «гоняли старосты и старшины, заседатели и исправники, требуя подати; гоняли попы, требуя ругу; гоняли нужда и голод; гоняли морозы и жара, дожди и засухи; гоняли промерзлая земля и злая тайга...». Жизнь, беды, слезы и страдания Макара — это жизнь, беды, слезы и страдания всех российских мужиков-крестьян, а их врагами и недругами являются исправники, попы, кабатчики.

В других сибирских рассказах обрисованы образы людей из народа. Главное в их характерах — это страстное желание воли, готовность сопротивления и какого угодно риска в защите своего достоинства, в своем стремлении к воле, независимости («Яшка», «Убивец», «Марусина заимка», «Федор Бесприютный»).

В произведениях В. Г. Короленко немало героев, чей духовный накал, беззаветная самоотдача либо только проблеск человечности поднимают их, служат напоминанием о «высшей красоте человеческого духа», опорой гуманизма и основой исторического оптимизма.

¹ *Мережковский Д.* Акрополь: Избранные литературно-критические статьи. М.: Книжная палата, 1991. С. 61—62.

Пафос творчества В. Г. Короленко — в утверждении личности. Человек и его счастье всегда в центре художественного внимания писателя-гуманиста, поэта человека и человечности. Он искал социальную правду и справедливость в глубинах народной жизни и народной души. Всем своим творчеством В. Г. Короленко убеждает читателя в признании добра, истины, правды, красоты, справедливости как закона, как некоей необходимости, отражаемой в душе человека. Он влиял правдой ума и силой чувств, выступал за свободу личности, за достоинство человека, за осознание каждым своего высокого звания человека, что делает его носителем высокой нравственной силы. Достоинство выпрямляет человека, ведет от мрака к свету.

Для чего создан человек, в чем его сущность и предназначение, в чем смысл жизни, — эти вопросы волнуют В. Г. Короленко в аллегорических произведениях 1880-х годов, в «Слепом музыканте», «В дурном обществе» и многих других его очерках, рассказах и повестях. «Человек рожден для счастья, как птица для полета», — провозглашает даже калека, урод, исковерканный судьбой, обделенный жизнью («Парадокс»). Однако это не прекраснодушная фраза. Есть и продолжение этой мысли: «Человек создан для счастья, только счастье не всегда создано для него» («Парадокс»). За счастье надо бороться. Необходима борьба за свободу и справедливость, против позора рабства, во имя братства и мира на земле («Сказание о Флоре, Агриппе и Менахеме, сыне Иегуды», «Река играет», «Без языка»).

Последние 16 лет (1905—1921 гг.) В. Г. Короленко, продолжая традиции А. И. Герцена, Л. Н. Толстого, писал мемуарный роман «История моего современника», в котором автобиографическая история личности переплетается, сливается с историей русского общества, с историей идейных устремлений и освободительной борьбы русской интеллигенции. Главная особенность «Истории моего современника», по мысли А. А. Воронского, состоит в том, что «в эпохе, воспроизводимой писателем, чувствуются живые люди, живая жизнь, и прежде всего своя человеческая, практическая душа современника»¹.

В. Г. Короленко не был особо модным писателем, но после Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого он по достоинству занимает одно из первых мест в ряду выдающихся русских писателей, а его

¹ *Воронский А.* Литературно-критические статьи. М.: Советский писатель, 1963. С. 74.

произведения принадлежат к числу бессмертных произведений русской и мировой литературы. В. Г. Короленко — один из лучших художников русского слова. «Его слог носит печать классической простоты и редкого изящества, образы — цельные и законченные, словно «вылитые из одного металла». Он владеет редким мастерством создавать мелодии не только слов, но и образов»¹. Однако значение В. Г. Короленко не исчерпывается ценностью его писательского творчества.

В. Г. Короленко не ограничивался простым созерцанием протекающей на его глазах российской жизни и ее правдивым эмоционально-психологическим отражением, хотя и это было достаточно для того, чтобы занять свое подобающее место в литературе. Для Короленко увидеть то, что с его точки зрения означало зло, несправедливость, почти всегда значило вступить в борьбу с этим злом и несправедливостью. Слово писателя Короленко совпадало с делом, что вело к гармонии его личности, к цельности жизни, создавало его высокий духовный облик, внутреннюю душевную красоту. Нравственное кредо писателя — это активность, вопреки «толстовщине» — боевое и бесстрашное сопротивление злу и насилию, в каких бы формах они не проявлялись. Логика совести Короленко заключалась в соединении в одном лице писателя, публициста и общественного деятеля, поэта и гражданина.

Властный голос его человеческой природы звал на борьбу со злом и неправдой в жизни, на защиту обиженного жизнью, забитого, подавленного судьбой с тем, чтобы восстановить нарушенное право и закон. Наряду с художественными образами Короленко отдавал свое перо и свою энергию публицистическому и общественному служению истине, праву и справедливости — этим незыблемым маякам, естественным и вечным ценностям. Логика всех выступлений Короленко в печати по конкретным фактам неизбежно приводила читателя к выводам об уважении достоинства человеческой личности, всех народов, населяющих Россию, о равноправии всех национальностей, о равном для всех праве и правосудии, о праве каждого на жизнь и свободу.

Две идеи — свободы и справедливости — пронизывают мировоззрение и творчество Короленко, писателя, публициста и общественного деятеля. Эти идеи являются «регулятивными идеями права»

¹ Козловский Л. В. Г. Короленко. Опыт литературной характеристики. М.: Задруга, 1922. С. 55.

(Н. Н. Полянский). «Считаю себя социалистом в том смысле, — пишет Короленко А. Г. Горнфельду, — что признаю одну свободу, без социальной справедливости, неполной и неосуществимой. Но для меня свобода — необходимое условие осуществления социальной справедливости, а не наоборот, как для нынешнего коммунизма»¹. Не считая себя политиком, в своих действиях и поступках писатель не руководствовался политическими обстоятельствами, политической конъюнктурой («политической тактикой»). Он вставал на защиту права, свободы и справедливости всякий раз, как только эти принципы умалялись и попирались, подвергались поруганию с чьей бы то ни было стороны — со стороны ли царской власти либо большевистского режима. Он считал позором молчать, когда рядом совершаются неправда и ложь, и своим долгом — постоянно напоминать и бороться с тем, чтобы неправда и ложь, попирающие права и достоинства человека не превратились в будничное, обыденное, бытовое явление, своего рода привычку, перестающую «шевелить общественное сознание и совесть».

В нижегородский и в последующие периоды жизни Короленко социально активен, он неутомимо борется со злоупотреблениями земских начальников, участвует в судебных процессах на стороне неправедно обвиненных, бичует произвол в военной среде, в полицейских застенках и тюрьмах, протестует против карательных экспедиций в селах и деревнях, против расстрелов, казней на основе приговоров военно-полевых судов.

В годы двух революций 1917 года и гражданской войны Короленко принимает деятельное участие в общественной жизни Полтавы и всей губернии. По данным летописи жизни и творчества В. Г. Короленко в 1917—1921 годы, составленной П. И. Негретовым, видно, что писатель заседает в земской управе, выступает на собраниях и митингах, в том числе селах, участвует в съезде учителей, крестьянском съезде, избирается почетным председателем ряда общественных объединений (Полтавского комитета помощи военнопленным, Лиги спасения детей, Полтавского политического Красного Креста, Комитета помощи голодающим Украины, Всеукраинского комитета со-

¹ См.: Письма В. Г. Короленко к А. Г. Горнфельду. Л.: Сеятель, 1924. С. 188—189. Эту же мысль В. Г. Короленко повторяет в письме к А. В. Луначарскому от 22 сентября 1920 года (см.: Короленко В. Дневник. 1917—1921. Письма. М.: Советский писатель, 2001. С. 466).

действия ученым и т. д.). Одновременно он печатает призывы о помощи военнопленным, организует сбор и отправку продовольствия для детей Москвы и Петрограда, посещает беженцев в «заразном городке», выступает свидетелем в германском военном суде, третейским судьей в споре печатников с владельцами типографий, обращается с призывом к американскому народу о помощи голодающим детям и т. д.

На одном из митингов в Полтаве Короленко провозглашает: «Пусть будет ответственность по суду, но не нужно насилий и мести»¹. Он призывает новую власть к великодушию, к милосердию, постоянно хлопочет об арестованных и приговоренных к расстрелу перед властями, в Ревтрибунале, в Чрезвычайной комиссии, отправляет телеграммы, пишет письма, записки высшим начальникам (Г. И. Петровскому, Х. Г. Раковскому и другим). Писатель сам замечает, что «одно время не выходил из чрезвычайки»². Дневники Короленко последних лет, как свидетельствует Т. А. Богданович, поражают «красноречивым однообразием. Это повесть непрерывного «хождения по мукам». Менялись только названия учреждений — разведка, ЧК, контрразведка, опять ЧК,— а по существу все та же борьба за жизнь против вражды и мести»³.

В годы «обоюдного озверения», по мнению В. И. Лосева, авторитет Короленко «был столь высок, а стремление к спасению невинных жертв было столь искренним и целеустремленным, его мужественная настойчивость была столь естественна и человечна, что каратели всех политических оттенков вынуждены были учитывать «фактор Короленко». Этот фактор учитывали и руководители, сидевшие в Киеве, с мнением Короленко вынуждены были считаться даже в Москве⁴. Писателю-гуманисту особенно ненавистна была классовая месть и жестокость. Как правозащитник, Короленко играл исключительную роль в российском обществе. Его жизнь была примером общегражданского нравственного поведения, гражданской ответственности за жизнь каждого, продиктованные естественными законами правды и красоты, свободы и справедливости. В. Г. Коро-

¹ См.: *Негретов П. И.* В. Г. Короленко. Летопись жизни и творчества. 1917—1921 / Под ред. А. В. Храбровицкого. М.: Книга, 1990. С. 8.

² Там же. С. 200.

³ *Богданович Т. А.* В. Г. Короленко в последние годы жизни // *Былое*. 1922. № 19. С. 224.

⁴ *Лосев В. И.* В. Г. Короленко о России, русском народе и двух утопиях // *Короленко В. Г. Дневник*. 1917—1921. Письма. С. 524.

ленко был последовательным до конца своей жизни. «И если бы пришлось начинать ее сначала,— отмечал сам писатель,— я так же держался бы все той же линии, и для меня светили бы все те же огни»¹.

В. Г. Короленко был светлой личностью, кристально-честным человеком. Отношения Короленко в семье характеризовались постоянством привязанности, теплотой и любовью к жене, детям, доверием к ним, готовностью всегда быть рядом с ними².

В личном плане В. Г. Короленко отличался исключительной скромностью, был болезненно щепетилен относительно его полной независимости и свободы действий. Характерным для его поведения является его отказ от звания почетного академика, «не потому, что царь не утвердил избрания Горького». Объяснение этому Короленко видит в том, что «это было объявлено не от царя, а от самой Академии... Царь мог не утверждать сколько ему угодно, но я не желал, чтобы он прикрывал свое неутверждение моим именем»³. Короленко отказался от «казенного спецпайка» («никогда и ничего не брал ни от какого правительства»), от лечения за границей за «казенный счет» («не перейду на казенное содержание. Лучше умру»), от пенсий, назначенных Литературным фондом, позже — Обществом взаимопомощи, от сотрудничества с официальными изданиями, от фотографирования с А. В. Луначарским и местными чекистами, которые дискредитировали себя расстрелами людей без суда и следствия, от возможности использовать свое знакомство с ними, чтобы облегчить участь зятя К. И. Ляхова, посаженного в тюрьму. Щедрый подарок местных профсоюзов в виде муки и материи Короленко передал в фонд помощи голодающим, а свой дом — в полное распоряжение общественности, организующей указанную помощь⁴.

Не случайно Ромэн Роллан в письме к дочери Короленко, Софье Владимировне, отметил, что в среде русских эмигрантов в Швейца-

¹ *Негретов П. И.* В. Г. Короленко. Летопись жизни и творчества. 1917—1921 / Под ред. А. В. Храбровицкого. М.: Книга, 1990. С. 196.

² См.: *Петропавловская Н. Д.* Как я люблю ее... Из жизни В. Г. Короленко. М.: Флинта; Наука, 2000.

³ *Короленко В. Г.* Избранные письма / Под ред. и с прим. Н. В. Короленко и А. Л. Кривинской. Т. 2. М.: Мир, 1932. С. 197—198.

⁴ См.: *Негретов П. И.* В. Г. Короленко. Летопись жизни и творчества. 1917—1921 / Под ред. А. В. Храбровицкого. М.: Книга, 1990. С. 151, 189, 192, 193, 197.

рии было мнение, что если в России будет республика, то Короленко должен стать ее Президентом¹.

Образ Короленко, его литературные произведения, яркая и острая публицистика, пламенная общественная деятельность будят совесть и веру в право и правосудие, в свободу и справедливость новых поколений россиян, переживших эксперименты большевизма и вступивших в новый этап общественного прогресса. До достижения идеалов права, правды, свободы и справедливости пока еще далеко. Огоньки так близки и все так же далеки. Но все-таки... все-таки впереди — огни! И сегодня злободневно звучат слова В. Г. Короленко: «Сколько бы ни предстояло еще потрясений и испытаний нашей родине на пути ее тяжкого обновления и какие бы пути ни вели к этой цели — все-таки окончательный выход из смирения лежит в той стороне, где светит законность и право для всех равное...»²

¹ См.: *Негретов П. И.* В. Г. Короленко. Летопись жизни и творчества. 1917—1921 / Под ред. А. В. Храбровицкого. М.: Книга, 1990. С. 14.

² Цит. по кн.: Памяти В. Г. Короленко / Под ред. В. А. Мякотина. М.: Задруга, 1922. С. 66.

«В голодный год»

Нижегородская губерния в 1891—1892 годы была поражена серьезным неурожаем, крестьянское население жестоко бедствовало, были случаи смерти от голода. Местное самоуправление в лице земства настаивало на оказании широкой помощи голодающим крестьянам, уездная администрация же придерживалась иного мнения. Земские начальники стремились в корыстных целях замолчать голод, передать продовольственное дело из рук местного самоуправления в лице земства в свои собственные. Губернатор Н. М. Баранов проявлял нерешительность в этом вопросе. Правительственные круги не были заинтересованы в расширении помощи голодающим крестьянам.

В. Г. Короленко едет в Лукояновский уезд, изучает обстановку, видит злоупотребления земских начальников и начинает борьбу с ними как путем печатного слова, так и участием в организации помощи голодающим.

Писатель-публицист запечатлел картины голода корреспонденциями в центральных и местных изданиях, в переизданных отдельной книгой очерках «В голодный год». Голос его звучал веско и авторитетно и заставлял, если не всегда с собой соглашаться, то всегда прислушиваться и считаться¹. В статьях о жизни голодного края он заставляет задуматься о положении крестьянства после отмены крепостного права, о необходимости «нового его освобождения», о причинах голода в крестьянской России, о путях его предупреждения и устранения, о серьезной поддержке государством

¹ Более подробно о работе В. Г. Короленко в Нижегородских комитетах помощи голодающим см.: *Свободов А. Н.* Короленко в Нижегородских комитетах помощи голодающим // Нижегородский сборник памяти В. Г. Короленко. Издание Нижегородского губсоюза, 1923. С. 177—200.

пострадавшего от неурожая населения на началах страхования, о повышении кредитоспособности крестьянства, о борьбе с коррупцией и бюрократизмом в продовольственном деле и т. д.

Будучи членом губернской продовольственной комиссии и губернского благотворительного комитета, частным благотворителем, Короленко на пожертвования открывал общественные столовые (более 40 в Лукояновском уезде), разоблачал злоупотребления местного начальства, творимые над голодным народом (борьба с «лукояновщиной»), отстаивал гласность в организации помощи голодающим, права земства. Лукояновские чиновники были сломлены, помощь крестьянам была расширена, с чем была вынуждена согласиться и администрация губернии во главе с губернатором.

По свидетельству Короленко, опыт продовольственной кампании тяжких годов не остановил в последующие годы наступления и торжества бюрократии: продовольственное дело было отнято у земства, а само земство низведено еще на одну ступень ниже и подчинено администрации, которая стала полным хозяином в земском деле, были забыты коллегиальность и гласность в их работе. В результате голод повторялся, влияние администрации расширялось, что сопровождалось злоупотреблениями всероссийского масштаба¹.

Голод стал неизбежным спутником двух революций 1917 года и гражданской войны. Короленко мучительно размышляет над причинами растущего всеобщего голода в России. «В голодном году», — пишет В. Г. Короленко в письме к А. В. Луначарскому, — я пытался нарисовать то мрачное состояние, к которому вело самодержавие: огромные области хлебной России голодали, и голодовки усиливались. Теперь гораздо хуже, голодом поражена *вся Россия*, начиная со столиц, где были случаи голодной смерти на улицах»². Причину всеобщего голода Короленко видит в том, что новая власть, победив капитал («он лежит теперь у ваших ног, изувеченный и разбитый»), убила также производство, естественную связь обмена между городом и деревней. В результате, рассуждает далее писатель, приходится ее заменять «искусственными мерами», «принудительным отчуждением», реквизициями при помощи карательных отрядов. Когда деревня не получает не только сельскохозяйственных орудий, но за иголку вынуждена платить по 200 рублей и больше, — в это время власть устанавливает такие твердые цены на хлеб, которые деревне

¹ См.: *Короленко В. Г.* Собр. соч. в 10 томах. Т. 9. М., 1955. С. 329—330.

² *Короленко В. Г.* Дневник. 1917—1921. Письма. С. 454.

явно невыгодны». Короленко продолжает свою мысль: «Каждый земледелец видит только, что у него берут то, что он произвел, за вознаграждение, явно не эквивалентное его труду, и делает свой вывод: прячет хлеб в ямы. Вы его находите, реквизируете, проходите по деревням России и Украины каленым железом, сжигаете целые деревни и радуетесь успехам продовольственной политики»¹.

В письме к А. М. Горькому от 9 августа 1921 года Короленко снова возвращается к вопросу о голоде, полагая со всей убежденностью, что настоящий голод не стихийный. «Он, — пишет Короленко, — порождение излишней торопливости: нарушен естественный порядок труда, вызваны вперед худшие элементы, самые нетрудоспособные, и им дан перевес, а самые трудоспособные подавлены»². Короленко предлагает решительно отказаться от системы раскулачивания, от «внезапного коммунизма» (еще задолго до сталинской политики ликвидации кулачества как класса! — *Н. В.*).

Новое правительство, по мнению Короленко, «погналось за равенством и добилось только голода. Подавили самую трудоспособную часть народа, отняли у нее землю, и теперь земля лежит впусте. Комнезаможки (комитеты бедноты. — *Н. В.*) — это часть народа, которая никогда не стояла на особенной высоте по благосостоянию, а распоряжаются всем хозяйством коммунисты, т. е. теоретики, ничего не смыслящие в хозяйстве»³. Нужна, продолжал далее Короленко, организация разумного кредита, а для кредита нужна зажиточность, а не равенство⁴. Обобщая все сказанное, Короленко приходит к выводу, что многое в капиталистическом строе устранено преждевременно, «забывая, что истинная победа социальной революции, если бы ей суждено было свершиться, состояла бы не в разрушении капиталистического производственного аппарата, а в овладении им и в его работе на новых началах»⁵.

В. Г. Короленко не только рассуждает, но и, как всегда, активен. В Полтаве он избирался почетным председателем Комитета помощи голодающим Украины (июнь 1921 г.), организует сбор и отправку продовольствия для голодающих детей Москвы и Петрограда, пишет обращение к европейской общественности и американскому народу об оказании помощи голодающим России.

¹ *Короленко В. Г.* Дневник. 1917—1921. Письма. С. 454.

² *Негретов П. И.* В. Г. Короленко. Летопись жизни и творчества. 1917—1921 / Под ред. А. В. Храбровицкого. М.: Книга, 1990. С. 216.

³ Там же. С. 216—217.

⁴ Там же. С. 216.

⁵ Там же. С. 444, 470.

В защиту удмуртского народа. Мултанское дело

Возникновение и ход уголовного дела крестьян-удмуртов из села Старый Мултан, обвиненных в человеческом ритуальном жертвоприношении, его итоги можно понять в контексте социально-экономического, общественно-политического и государственно-правового развития российского общества во второй половине XIX столетия¹. Мултанское дело неразрывно связано с христианизацией и русификацией «инородцев». Светская и церковная власти упорно боролись с остатками языческих верований и связанных с ними ритуальных обычаев². Правительственная Программа борьбы с язычеством (1846 г.) ориентировала на преодоление язычества с участием духовенства «методом внушения», «благоразумными и кроткими советами». Высшее духовенство стремилось в этой борьбе привлечь светскую власть, полицию, шире использовать принуждение, административные меры. Вятский епископ Неофит в отчете Святейшему Правительствующему Синоду от 20 октября 1838 года «для удержания вотяков (удмуртов. — *Н. В.*) от уклонения к языческим заблуждениям» предлагает местному полицейскому начальству уничтожить воршуды (молельные шалаши, куалы. — *Н. В.*), а тех, кто пытается

¹ См. об этом: *Ванюшев В. М.* Кин шоры «ыбылэ» Мултан уж? (В кого «стреляет» Мултанское дело?): Документальный очерк. Ижевск: Удмуртия, 1994; Мултанское дело: история и современный взгляд: Материалы научно-практической конференции. Ижевск, 2000 (выступления В. М. Ванюшева, М. В. Гришкиной, К. И. Куликова, Г. К. Шкляева и других).

² До Мултанского дела в первой половине XIX века были еще две попытки возбуждения уголовных дел, связанных с ритуальными человеческими жертвоприношениями (см.: *Гришкина М. В.* Мултанский пролог // Мултанское дело: история и современный взгляд. С. 20—27).

их поправлять, строить новые, совершать языческие обряды и т. д., предавать суду по всей строгости законов¹. К таким методам особо тяготела местная власть, которая привыкла к взяткам за «отступничество» инородцев. Этой практике способствовал и тот немаловажный фактор, что к концу XIX столетия в годы глухой реакции наметился курс отхода от демократических реформ 1860-х годов, сопровождавшийся усилением администрации, силовых структур, широким применением внесудебных мер.

Для более полного представления о процедурно-правовой стороне возникновения и развития Мултанского дела представляется целесообразным хотя бы в общих чертах охарактеризовать судебную систему и уголовный процесс, имевший место в России на основе судебно-правовой реформы 1864 года, половинчато реализуемой практически до конца XIX столетия.

На основе судебных уставов 1864 года² судебная власть была относительно отделена от власти законодательной и исполнительной. Суды Российской империи были разделены на *общие* и *местные*. К *общим судебным* установлениям (судам) относились окружные суды, судебные палаты и кассационные — уголовный и гражданский — департаменты Правительствующего Сената. *Окружные суды* учреждались в округах, объединяющих несколько уездов, что должно было обеспечить независимость судебной власти от местной администрации. При окружных судах действовали *судебные следователи*, производящие предварительное расследование по уголовным делам, подсудных этим судам, и *прокурор*, осуществляющий надзор за предварительным следствием и поддерживающий государственное обвинение в суде. Окружные суды рассматривали дела, как правило, с участием *присяжных заседателей* (суд присяжных). *Суды присяжных* вводились в губерниях России постепенно (правда, со временем их подсудность сокращалась). Присяжные заседатели должны были представлять, за некоторыми исключениями, все сословия. Для кандидатов в присяжные заседатели устанавливались цензы: возрастной (не моложе 25 и не старше 70 лет), образовательный и достаточно

¹ См.: Весна народов: этнополитическая история Волго-Уральского региона: Сб. документов / Под ред. К. Мацузато. Саппоро: Центр славянских исследований; Университет в Хоккайдо, 2002. С. 164.

² Устав гражданского судопроизводства, Устав уголовного судопроизводства, Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, Учреждение судебных установлений.

высокий имущественный ценз, что рассматривалось в качестве одной из гарантий независимости присяжных заседателей при осуществлении правосудия. Для слушания конкретного дела предусматривался предварительный список 30 присяжных, из которых 12 могли быть отведены сторонами обвинения и защиты без мотивации причин. Оставленные присяжные заседатели бросали жребий, так как в суде должны были участвовать только 12. Присяжные заседатели разрешали два вопроса: о действительности события, факта, явившегося основанием для обвинения, и о виновности либо невиновности подсудимого. Наказание назначалось профессиональным — коронным — судом лишь при положительном ответе присяжных заседателей на вопросы о событии преступления и виновности лица, его совершившего.

Отношение к суду присяжных с момента его создания не было однозначным: были как горячие его сторонники, так и непримиримые критики. Министр юстиции Н. В. Муравьев (1894—1905 гг.) выступил с критикой судов присяжных, других недостатков судебной реформы, по его инициативе была создана комиссия, которая должна была пересмотреть многие положения судебных уставов. Он отмечал, что составители судебных уставов 1864 года увлеклись западноевропейскими образцами, которые не были вполне приспособлены к условиям России с ее историческим складом, огромными пространствами и многонациональным составом населения.

Судебные палаты учреждались для нескольких губерний или областей. Они рассматривали кассационные жалобы на решения окружных судов, по первой инстанции — дела о государственных и должностных преступлениях. Кроме того, они выступали апелляционной инстанцией в отношении решений окружных судов, рассмотренных без участия присяжных заседателей.

Правительствующий Сенат был высшей судебной инстанцией в России, члены которого назначались государем-императором. Сенат объединял и в то же время направлял всю деятельность судов и являлся кассационной инстанцией в лице его кассационных департаментов в соответствии с уставами уголовного и гражданского судопроизводства, в частности, наделялся правом отмены приговора по уголовным делам, если при их рассмотрении было допущено нарушение «форм и обрядов судопроизводства», явный отход от закона и его неправильное толкование при квалификации преступления и назначении наказания, а также по вновь открывшимся обстоятельствам.

К *местным судебным установлениям* относились *мировые суды*, избираемые уездными земскими собраниями и городскими думами, и *съезды мировых судей* по мировым округам, объединяющим мировые участки.

Наряду с общими и местными судами, которые являлись «всесловными», существовали особые *военные, духовные, коммерческие и инородческие суды*.

Согласно судебной реформе 1864 года, *предварительное дознание* (общеуголовный сыск) осуществляла полиция под надзором прокурора, а *предварительное следствие* осуществляли судебные следователи при окружных судах и судебных палатах, которые одновременно провозглашались членами окружного суда. Становые приставы (с 1838 г.) под руководством судов осуществляли в уездах полицейские функции, в том числе общеуголовный сыск. В сельской местности розыск проводился уездной полицией, волостными старшинами, сельскими старостами и полицейскими урядниками (с 1878 г.). Последние собирали необходимые сведения негласно.

Предварительное следствие, осуществляемое судебными следователями, было обязательно по всем делам о тяжких преступлениях, подсудных окружному суду или судебной палате. Судебные следователи в основном назначались министром юстиции и могли быть в любое время отстранены от должности. Судебный следователь находился в организационном и процессуальном подчинении окружного суда. Он был обязан вести расследование по предложению прокурора и выполнять все его указания. В случае несогласия с ним судебный следователь имел право переносить данный вопрос на разрешение окружного суда. При этом акты дознания не имели обязательной силы и служили подсобным материалом для судебного следователя. В неотлагательных случаях чины полиции могли производить предварительное следствие, равно как и дознание могли осуществлять судебные следователи.

Судебные следователи, с одной стороны, были отделены от полиции, хотя их деятельность требовала самого непосредственного и постоянного взаимодействия с полицией, а с другой стороны, судебные следователи имели особый статус, близкий к статусу становых приставов, а суд по отношению к ним имел контрольные функции. В итоге ни полиция, ни суд не признавали себя равноправными партнерами и относились друг к другу с недоверием. Независимость судебных следователей от административной власти на практике оказалась призрачной.

Нерешенность проблемы законодательного разграничения полицейского дознания и предварительного следствия, производимого судебными следователями, приводила на практике к дублированию деятельности полиции и судебных следователей, к их несогласованным действиям, что влекло к затягиванию дознания и следствия, их медлительности, к утрате доказательств, в целом — к их низкой эффективности. Указанные недостатки ярко проявились при дознании и предварительном следствии по Мултанскому делу.

Судебные уставы наряду с прокуратурой учреждали *профессиональную адвокатуру*. Адвокаты разделились на две категории: *присяжных поверенных* и *частных поверенных*. К кандидатам в присяжные поверенные предъявлялся ряд требований: возраст не менее 25 лет, юридическое образование, пять лет стажа судебной практики в качестве чиновника судебного ведомства или помощника присяжного поверенного. При приеме в присяжные поверенные, кроме того, оценивались нравственные качества кандидата, и кандидат сдавал квалификационный экзамен. Лицо, принятое в присяжные поверенные, принимало присягу. Список присяжных поверенных публиковался для всеобщего сведения. Присяжный поверенный не мог заниматься иной оплачиваемой деятельностью, коммерцией, быть нотариусом и т. п. Присяжные поверенные осуществляли защиту по уголовным делам, представительство по гражданским делам в пределах определенного им судебного округа. Присяжные поверенные могли иметь помощников. Закон 1874 года предусмотрел, что *частными поверенными (ходатаями)* по чужим делам могли быть только помощники присяжных поверенных, получившие свидетельства от судебных мест и уплатившие установленный денежный сбор. Они имели право ведения гражданских дел в пределах определенного им судебного округа.

В присяжные поверенные быстро пошли молодые, честолюбивые юристы, многие из них разделяли либерально-демократические взгляды, были незаурядными профессионалами, обладающими талантом ораторского искусства большой силы (К. К. Арсеньев, Ф. Н. Плевако, В. Д. Спасов, А. И. Урусов, Н. П. Карабчевский и др.). Многие громкие процессы благодаря выступлениям адвокатов заканчивались оправданием подсудимых.

Обратимся к хронологии событий по Мултанскому делу.

Дознание и предварительное следствие по Мултанскому делу

5 мая 1892 года крестьянская девочка на пути из деревни Анык в сторону деревни Чуля Малмыжского уезда Вятской губернии увидела обезглавленный труп человека, лежащий на тропе среди болотистой местности, и рассказала об этом жителям деревни. По документам, обнаруженным при убийстве, это был нищий Конон Матюхин, страдающий эпилепсией. Кем-то была высказана мысль, что убийство нищего — дело рук удмуртов из близлежащего села Старый Мултан (ныне село Короленко Кизнерского района Удмуртской Республики), они его якобы «замолили», т. е. принесли в жертву своим языческим богам. Этой ложной версии с самого начала и до конца придерживались дознание, следствие и прокуратура.

Почти два с половиной года длились дознание и предварительное следствие под руководством товарища прокурора Сарапульского окружного суда *Н. И. Раевского*. Он же предъявил обвинение десяти крестьянам-удмуртам Старого Мултана (четверо из них были взяты под стражу). В обвинительном акте отмечалось, что «5 мая 1892 года в шалаше при доме крестьянина Дмитриева обвиняемые умышленно и по сговору, с целью принесения в жертву вотским языческим богам, лишили жизни Матюнина». 8 августа 1894 года уголовное дело по обвинению мултанских удмуртов в человеческом жертвоприношении поступило в Казанскую судебную палату, согласно определения которой от 24 августа обвиняемые были преданы суду Сарапульского окружного суда с участием присяжных заседателей.

Первый судебный процесс в Малмыже

Рассмотрение уголовного дела в Сарапульском окружном суде с участием присяжных заседателей состоялось в уездном городе Малмыже 10 и 11 декабря 1894 года.

Председательствовал на суде *Н. А. Горицкий*, обвинение поддерживал товарищ прокурора Н. И. Раевский, защиту осуществлял частный поверенный из Сарапула *Михаил Ионович Дрягин*. Присяжные заседатели, большинство из которых были крестьяне, и коронный суд

признали установленным факт существования среди удмуртов человеческих жертвоприношений и виновность мултанцев в убийстве Матюнина с этой целью. Семь подсудимых были приговорены к каторжным работам на срок от восьми до десяти лет и ссылке в Сибирь. Трое были оправданы.

Защитник Дрягин вносит в Сарапульский окружной суд свои замечания на протокол судебного заседания, в которых указывает на искажение и неполноту записей показаний подсудимых и свидетелей, на незаконные действия председательствующего в процессе. Почти все замечания судом были отклонены. Одновременно Дрягин подает в Правительствующий Сенат — высшую судебную инстанцию — обстоятельную, хорошо аргументированную жалобу, которая поступила в уголовный кассационный департамент 21 января 1895 года. В жалобе был дан подробный анализ нарушений Устава уголовного судопроизводства, имевших место в ходе предварительного следствия и судебного разбирательства, сделан аргументированный вывод о необоснованности и незаконности приговора.

Корреспонденты местных малмыжских газет *Осип Михайлович Жирнов* и *Александр Николаевич Баранов*, возмущенные и потрясенные явной тенденциозностью процесса, решили опубликовать в печати объективный отчет о процессе, осветить Мултанское дело «возможно ярче, чтобы показать его подоплеку» и тем самым привлечь к нему внимание общественности. Газета «Казанский телеграф» 20—24 января 1895 года опубликовала судебный отчет Жирнова, а также письмо Баранова. Все другие провинциальные и столичные газеты и журналы на их обращения молчали. Более того, в печати появились публикации, авторы которых не сомневались в принесении мултанцами-удмуртами человеческой жертвы. Исключением было выступление с докладом ученого-этнографа *Петра Михайловича Богаевского* 20 февраля 1896 года в Политехническом музее на заседании Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, в котором он категорически отрицал существование человеческих жертвоприношений.

В марте 1895 года защитник Дрягин обратился в Правительствующий Сенат с просьбой о рассмотрении дела в порядке надзора, приложив необходимые документы, в которых излагались все подробности обстоятельств возбуждения уголовного дела, стадий предварительного следствия и судебного разбирательства. К жалобе был приложен и судебный отчет Жирнова.

Рассмотрение Мултанского дела в Сенате

Министр юстиции Муравьев поручил и. о. обер-прокурора уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената *Анатолию Федоровичу Кони* изучить Мултанское дело и доложить ему свое заключение. Изучив все материалы, Кони 30 марта 1895 года сообщил министру, что «в деле усмотрен целый ряд упущений, неправильных и явно противозаконных действий как со стороны полицейских чинов, так и членов судебного ведомства, принимавших участие в производстве этого дела с момента его возникновения и до момента его разрешения». В силу этого он пришел к выводу о необходимости принятия мер к восстановлению законного порядка. Выдающийся юрист и литератор, образованнейший человек своего времени — Кони пользовался беспредельным уважением юридического сообщества, прогрессивных общественных деятелей. Его глухая оппозиция к самодержавию была хорошо известна, а его авторитет в Сенате был общепризнанным.

Мултанское дело рассматривалось в Сенате с 15 апреля по 5 мая 1895 года. Прокурор *Коптелов* в своем заключении, обратив внимание сенаторов на существенные нарушения Устава уголовного судопроизводства, просил отменить приговор. Уголовный кассационный департамент Сената отменил решение присяжных заседателей и приговор окружного суда, дело направил в тот же Сарапульский окружной суд «на новое рассмотрение, в другом составе присутствия, в другом ближайшем от места нахождения подсудимых и свидетелей городе, например, Елабуге». Свое решение Сенат мотивировал тем, что судом были допущены существенные нарушения прав защиты при допросе свидетелей и оценке достоверности их показаний, при оценке вещественных доказательств, в частности седых волос, обнаруженных при «обысках в разное время и причем весьма отдаленное со дня смерти Матюнина», а также «в обвинительном акте не было явно и точно установлено самое существование между вотяками человеческих жертвоприношений и не были указаны с достаточной полнотой фактические основания для обвинения каждого из 11 подсудимых в тяжком, влекущем за собой уголовное наказание, преступлении»¹.

¹ См.: Весна народов: этнополитическая история Волго-Уральского региона. С. 188—189.

После отмены приговора в печати разгорелась острая дискуссия по вопросу о человеческих жертвоприношениях в религиозных верованиях удмуртов, о виновности или невиновности осужденных мултанцев. Прогрессивная часть российской интеллигенции увидела в приговоре нечто большее, чем осуждение конкретных крестьян-удмуртов.

Наиболее полно эту сторону дела выразил В. Г. Короленко в ряде своих публикаций по Мултанскому делу. Обвинение «ширится, растет, оно пало на всех вотяков и на все русское общество», «это обвинение против самого культурного типа не одних вотяков, но и их соседей, не способных вековым общением облагородить соседа инородца, хотя бы до степени невозможности каннибализма в культурной атмосфере, которой они дышат сообща!»¹.

Судебный процесс в Елабуге

19 августа и 19 сентября 1895 года Сарапульский окружной суд в распорядительных заседаниях отказывает защите в вызове новых свидетелей, в качестве эксперта — этнографа Богаевского, но не отказывает стороне обвинения в привлечении в качестве эксперта учено-этнографа профессора И. Н. Смирнова, заранее зная его точку зрения. Экспертом по вопросам верований удмуртов был назначен также этнограф *Григорий Егорович Верещагин*, удмурт по национальности. Экспертами-медиками привлекаются уездные врачи *А. В. Минкевич*, *А. Г. Крылов*, *Н. П. Аристов*. В обоих заседаниях участвует тот же судья Горицкий, под председательством которого в Малмыже был вынесен обвинительный приговор. При таком подходе вряд ли можно было говорить о действии принципов состязательности и равноправия сторон в уголовном процессе, провозглашенном Уставом уголовного судопроизводства.

В таких условиях журналисты Баранов и Жирнов решают обратиться к известному писателю, способному своим авторитетом возбудить внимание читателей России к Мултанскому делу, вовлечь в дискуссию более широкий круг специалистов — юристов, этнографов, медиков. Они обращаются к Короленко, который был

хорошо известен широкому кругу читателей и общественности как талантливый писатель и публицист, прогрессивный деятель, всегда занимающий гражданскую позицию, смело критикующий произвол властей.

Получив от журналистов печатные материалы, внимательно их изучив, Короленко в конце концов решил ехать на заседание суда в Елабугу и составить отчет о процессе, что, по его мнению, могло принести делу большую пользу. На пароходах на пути из Нижнего Новгорода в Казань и далее в Елабугу писатель изучил дело так, как казалось ему, что «мог бы выступить на суде без опасения сбиться». В Елабуге он вместе с Дрягиным, Барановым и местным журналистом *Владимиром Ивановичем Суходоевым* весь день обсуждает предстоящий процесс. В. Г. Короленко попросил у суда разрешения выступить в процессе в качестве защитника, но в этом ему было отказано. Писатель присутствовал на заседаниях в качестве репортера «Русских ведомостей».

Второй судебный процесс проходил 29 сентября — 1 октября 1895 года, на котором председательствовал товарищ председателя Сарапульского окружного суда *И. А. Ивановский*, старшиной присяжных заседателей был елабужский миллионер *А. Стахеев*, обвинение поддерживал, как и на первом процессе, товарищ прокурора Раевский.

После первого же дня заседания Короленко пришла счастливая мысль дать полный объективный, близкий к стенографическому судебный отчет этого «таинственного, запутанного и радикально испорченного предварительным следствием дела». Писали втроем (Короленко, Баранов, Суходоев) все три дня, не переставая. «У меня, — писал Короленко, — отекли пальцы и сделался пузырь от карандаша, зато всякий вопрос и всякий ответ занесены»¹. Со стороны обвинения выступили тридцать семь свидетелей, в том числе два полицейских пристава, три урядника, старшина, несколько сотских и старост. Станным был подбор свидетелей: 12-летний мальчик, показания которого подтверждал свидетель, слышавший в деревне за дурачка, преступник, приговоренный к каторге, который сообщал о признании в убийстве умершего в тюрьме подсудимого, и т. д., и т. п. Показания свидетелей были противоречивыми, основывались на слухах, к тому же на следствии добывались путем угроз, побоев, подкупа, психологических устрашений. Так, становой пристав Н. А. Шмелев,

¹ Короленко В. Г. Собр. соч. в 10 томах. Т. 9. С. 343, 350.

¹ Короленко В. Г. Избранные письма. Т. 2. С. 193—194.

требуя признания, избивал, подвешивал свидетелей, стрелял перед ухом из пистолета, бил кнутом, «в амбар садил, селедкой кормил, а пить не давал», водой поливал, изобрел и применял при допросах удмуртов «медвежью присягу», заставлял целовать чучело медведя, протаскивал удмурта под дугую, на которой горела свеча, и т. д., и т. п. Часть материалов исчезла из дела либо была уничтожена в ходе следствия.

Эксперты-этнографы дали противоположные по содержанию заключения. Профессор Смирнов, несмотря на ряд оговорок и проявленную неуверенность, колебания в своих суждениях, нашел «в условиях и обстановке убийства Матюнина черты жертвоприношения». Г. Е. Верещагин отрицал в удмуртской мифологии божество, которому могла быть принесена человеческая жертва, поэтому религиозная обрядность удмуртов, по его мнению, не знает человеческого жертвоприношения.

Врач Минкевич, по существу, опроверг свое ранее сделанное судебно-медицинское заключение и пришел к убеждению, что исследование трупа решительно исключает какие-либо признаки жертвоприношения и свидетельствует об «осквернении тела». Другие эксперты-медики не могли дать суду определенного заключения.

Несмотря на шаткую доказательственную базу обвинения, присяжные заседатели признали всех подсудимых виновными. Приговор коронных судей был суровым: четверо были подвергнуты каторжным работам на 10 лет, двое — на 8 лет и один — к ссылке на 8 лет в отдаленные места Сибири.

После суда В. Г. Короленко писал из Елабуги: «Приговор, вполне несправедливый и возмутивший всю публику,— результат предрассудка улицы и шулерства чиновников... В действительности, кроме самих вотяков, никакой жертвы не было и все это подлая проделка товарища прокурора и полиции»¹. В другом письме он писал: «Я до такой степени уверен в полной невинности этих людей и в самой подлой фальсификации следствия и дознания, что у меня нет и тени сомнения»².

После суда защитник Дрягин подал кассационную жалобу, которая поступила с делом в Сенат 8 ноября 1895 года. Одновременно были предприняты меры по привлечению внимания к вынесенному

¹ Короленко В. Г. Избранные письма. Т. 2. С. 93—94.

² Там же. С. 120.

приговору прогрессивной общественности России. Особую роль в решении этой задачи играл Короленко. Писатель сразу же обращается в «Русские ведомости» с просьбой опубликовать полный судебный отчет, заботится о развертывании публикаций по Мултанскому делу с его предисловием «К отчету о Мултанском деле». Основной смысл обращения к читателю заключается в следующих словах: «Света, как можно больше света на это темное дело...»¹.

Первая часть судебного отчета, появившаяся в «Русских ведомостях», была перепечатана во многих провинциальных изданиях. Отчет о судебном процессе в Елабуге был опубликован отдельной книгой². Вскоре в «Русском богатстве» публикуется статья Короленко «Мултанское жертвоприношение», в которой писатель разоблачает полицейский произвол, раскрывает полную несостоятельность этнографической экспертизы профессора Смирнова и приходит к выводу, что «судебный приговор есть приговор над целой народностью»³.

В полном объеме судебный отчет под редакцией Короленко был напечатан в феврале 1896 года. «Петербургская газета» (1897, 1 марта) излагает точку зрения Короленко по Мултанскому делу. В. Г. Короленко готовился выступить в Юридическом обществе, по приглашению руководства Антропологического общества прочитал с большим успехом доклад «Дело о Мултанском жертвоприношении» в Военно-медицинской академии⁴. Указанные публикации инициировали отклики и выступления по различным аспектам Мултанского дела этнографов П. М. Богаевского⁵, П. Н. Луннова⁶, С. К. Кузнецова⁷, Д. А. Клеменца, Д. А. Хвольсона и других. Ученые-богословы профессора Петербургской духовной академии

¹ Короленко В. Г. Собр. соч. в 10 томах. Т. 9. С. 343.

² Дело мултанских вотяков, обвинявшихся в принесении человеческой жертвы языческим богам / Сост. А. Н. Баранов, В. Г. Короленко и В. И. Суходоев; Под ред. и с прим. В. Короленко. М., 1896.

³ Короленко В. Г. Собр. соч. в 10 томах. Т. 9. С. 344—369.

⁴ Короленко В. Г. Сборник произведений. Ижевск, 1938. С. 274—303.

⁵ Наряду с критическим анализом экспертизы проф. Смирнова, он выступает с докладом, готовит для печати книгу и публикует ее.

⁶ Прочитал три доклада, основные положения которых излагались в ряде столичных и провинциальных изданий. (См.: Луннов П. Н. Громкое дело мултанских удмуртов, обвиняемых в человеческом жертвоприношении. Ижевск, 1925.)

⁷ Выступает в Томске с докладом о мнимом Мултанском жертвоприношении, выступает со статьями и заявлениями в печати.

Н. В. Покровский, В. С. Серебрянников публично свидетельствовали, что в религиозной обрядности «язычников» не было зафиксировано фактов человеческого жертвоприношения, и приходили к выводу, что вся история с Мултанским делом напоминает прежние обвинения евреев в употреблении христианской крови. Заслуживали внимания выступления ученых-медиков (*Ф. А. Патенко* и *Э. Ф. Беллин* (Харьков), *К. И. Амстберг* (Цюрих) и др.).

Все эти выступления становятся предметом тщательного изучения Короленко, он вступает с авторами в переписку, просит выступить в качестве экспертов на суде либо дать советы по этнографическим вопросам.

Высказывались со стороны определенной части духовенства и суждения, что признание за удмуртами человеческих жертвоприношений *целесообразно*, так как ставит вопрос о христианском просвещении инородцев, об открытии новых приходов, храмов, увеличении числа священников в инородческих приходах.

Для обеспечения прохождения кассационной жалобы в Сенате Короленко выезжает в Петербург, встречается с и. о. обер-прокурора Сената Кони, председателем Юридического общества проф. *И. Я. Фойницким*, известным адвокатом *К. К. Арсеньевым*, имеющими возможность оказать действенную юридическую помощь. А. Ф. Кони с теплотой вспоминал эту встречу. В силу сложившихся обстоятельств Короленко обращается к известному петербургскому присяжному поверенному *Николаю Платоновичу Карабчевскому* с просьбой поддержать кассационную жалобу в Сенате. Карбчевский дает согласие, при этом отказываясь от гонорара.

Вторичное рассмотрение Мултанского дела в Сенате

22 декабря 1896 года уголовный кассационный департамент Сената рассмотрел кассационную жалобу, поддержанную адвокатом Карбчевским. В своем выступлении он отметил многочисленные факты нарушения Устава уголовного судопроизводства и пришел к выводу, что Мултанское дело представляет явную судебную фальсификацию, прикрывающую все недозволенные методы дознания и предварительного следствия.

Общий доклад по всем изложенным в жалобе обстоятельствам сделал сенатор *А. А. Арцимович*. И. о. обер-прокурора Кони в своем

заклучении подчеркнул особый характер Мултанского дела, ибо авторитетным словом суда должен быть дан однозначный ответ на вопрос о существовании «ужасного кровавого обычая», в связи с чем «невольнo выдвигается вопрос о том, были ли приняты достаточные и целесообразные меры для выполнения Россией, в течении нескольких столетий владеющей Вотским краем, своей христианской, культурной и просветительской миссии». В такого рода делах, по мнению Кони, «суд обязан с особою точностью и строгостью выполнить все предписания закона, направленные на получение правильного решения», а «признание по этому делу подсудимых виновными должно быть совершено с соблюдением в полной точности всех форм и порядков судопроизводства». Несмотря на указания Сената, при первой отмене приговора и при вторичном рассмотрении этого дела Сарапульский окружной суд допустил ряд существенных нарушений уголовного судопроизводства (незаконный состав суда в распорядительных заседаниях 19 августа и 19 сентября 1895 года, необоснованный отказ суда в вызове тех или иных свидетелей, нарушение прав защиты, свидетельствующие об игнорировании принципов состязательности и равноправия сторон).

Жесткую отповедь Кони дал председательствующему на елабужском суде Ивановскому, который «доверительно» обращался к Сенату, полагая, что ворон ворону глаз не выклюет, с утверждением, «что кассационное обжалование есть затея не обвиняемых, людей темных, готовых покориться своей участи, а их защитника и нескольких газетных корреспондентов и что если они добьются новой отмены приговора, то они впоследствии добьются и оправдания подсудимых, вырвут оправдательный приговор у присяжных заседателей»¹. В. Г. Короленко по поводу этого факта язвительно и справедливо замечает: «Если так говорят члены суда, обращаясь в высшую инстанцию, если даже в этом случае «опытные юристы», привыкшие к порядкам данной окраины, доходят до такого забвения основных начал своей деятельности,— то как они рассуждают, разговаривают, действуют у себя, «дома», имея дело действительно лишь с «темными людьми», не знающими, где искать защиты, не имеющими опоры ни в «интригах защитника», ни в гласности?»².

¹ Кони А. Ф. Избранные произведения в 2 томах. Т. 1. М., 1958. С. 613—614.

² Короленко В. Г. Собр. соч. в 10 томах. Т. 9. С. 382.

Третий судебный процесс в Мамадыше

Сенат отменил решение присяжных заседателей и приговор окружного суда по тем же основаниям, что и в первый раз, то есть в силу нарушения прав подсудимых и защиты и по причине того, что фактические обстоятельства дела не установлены объективно и полно. Сенат передал дело на новое рассмотрение Казанскому окружному суду. Реакция на вторичную отмену обвинительного приговора по Мултанскому делу была различной.

В Министерстве юстиции, в Министерстве внутренних дел и в Святейшем Правительствующем Синоде без энтузиазма встретили решение Сената. «Вторичная отмена обвинительного приговора по делу вотяков,— писал Кони,— возбудила в петербургских официальных сферах значительное неудовлетворение. При первом служебном свидании со мной министр юстиции Муравьев выразил мне свое недоумение по поводу слишком строгого отношения Сената к допущенным судом нарушениям и сказал о том затруднительном положении, в которое он будет поставлен, если государь обратит внимание на то, что один и тот же суд по одному и тому же делу постановил приговор, подлежащий отмене. А что такой вопрос может быть ему предложен, Муравьев заключил из того, что Победоносцев, далеко не утративший тогда своего влияния, никак не может примириться ни с решением Сената вообще, ни в особенности с тем местом моего заключения, где я говорил, что признание подсудимых виновными в человеческом жертвоприношении языческим богам должно быть совершено с соблюдением в полной точности всех форм и обрядов судопроизводства, так как таким решением утверждается авторитетным словом суда не только существование ужасного и кровавого обычая, но и неизбежно выдвигается вопрос, *были ли приняты достаточные и целесообразные меры для выполнения Россией, в течении нескольких столетий владеющей Вотским краем, своей христианской, культурной и просветительской миссии...*»¹ (Курсив наш. — Н. В.).

Демократическая печать приветствовала отмену обвинительного приговора как новое доказательство утверждения тех принципов судопроизводства, которые были провозглашены судебными уставами 1864 года.

Защите в феврале—мае 1896 года было дважды отказано в слушании дела в Казани, что могло существенно повлиять на состав присяжных заседателей. Слушание было назначено на май 1896 года в уездном городе Мамадыше Казанской губернии. Окончательный состав присяжных заседателей включал десять крестьян, мещанина и дворянина.

В. Г. Короленко все более был озабочен организацией защиты подсудимых мултанцев. Он принимает окончательное решение принять участие в процессе по этнографическим вопросам, ведет переписку с адвокатом Дрягиным и обсуждает с ним его позицию по делу, входит в контакты с людьми, которые могут прояснить определенные обстоятельства дела, проведения дознания и расследования. В. Г. Короленко приглашает приват-доцента этнографа С. К. Кузнецова из Томска выступить экспертом. Короленко заряжен энергией, он целеустремлен, несмотря на начавшуюся клеветническую кампанию против него. В ответ на инсинуации и клевету Короленко пишет статью «Мой ответ господину Крылову», направляет в «Новое время» письмо, озаглавленное «Приносятся ли вотяками человеческие жертвы?», готовит другие материалы. Писателя поддерживают в печати П. М. Богаевский (Москва), П. Н. Луппов (Петербург), Э. Ф. Беллин (Харьков), О. М. Жирнов (Сарапул) и другие.

Активную позицию занял защитник Дрягин, который обжалует действие Казанского окружного суда в Казанскую судебную палату, полагая, что суд выступает, по существу, в качестве противоположной стороны.

Суд трижды отказывал в вызове дополнительных свидетелей защиты, в допуске в качестве экспертов профессора судебной медицины Леонтьева из Казани, профессора Патенко из Харькова, Кузнецова из Томска. В то же время суд удовлетворил ходатайство стороны обвинения о вызове шести новых свидетелей, призванных рассказать якобы об известных им случаях человеческих жертвоприношений в Вятской губернии. Всего обвинение вызвало сорок семь свидетелей. Обвинение осуществлял, как и прежде, товарищ прокурора Раевский, по специальному распоряжению министра юстиции Н. В. Муравьева, вместе с товарищем прокурора Казанской судебной палаты *Симоновым*. Защиту осуществляли присяжные поверенные Н. П. Карабчевский, П. М. Красников, частный поверенный М. И. Дрягин и В. Г. Короленко.

¹ Кони А. Ф. Избранные произведения в 2 томах. Т. 2. М., 1959. С. 353—354.

В ходе судебного следствия свидетели обвинения давали противоречивые показания, пристав Н. А. Шмелев признал незаконное психологическое воздействие на свидетелей («медвежья присяга»).

Малоубедительной была этнографическая экспертиза проф. Смирнова. По просьбе В. Г. Короленко эксперт не смог даже указать те места из своей книги «Вотяки», которые он использовал во время выступления. Не так ярко выступивший на втором судебном процессе в Елабуге эксперт-этнограф Верещагин, по словам Короленко, «по запискам своим дал такую блестящую экспертизу, что все вышли пораженные ясностью его доказательств»¹. Эксперт-врач Минкевич отказался, как и ранее, от своего первичного заключения по судебно-медицинскому исследованию трупа Матюнина.

После шести дней судебного следствия прения обвинения и защиты длились два дня. Выступившие прокуроры Симонов и Раевский поддержали обвинение. Защитник Дрягин изложил фактические обстоятельства дела, Красников — медицинский аспект дела. Н. П. Карабчевский в многочасовой речи проанализировал все обстоятельства дела, свидетельские показания и другие доказательства, обратив внимание на их противоречивость, на некомпетентность экспертизы, резко критиковал непрофессиональный сыск местных урядников и приставов, сопровождаемый должностным злоупотреблением (превышение власти, угрозы, насилие, пытки, кощунственная присяга): «Большое горе и несчастье — преступление, — говорил он, — но преступные и безнравственные приемы расследования — еще большее горе и несчастье. Это аксиома, которой проникнут весь гуманный дух наших уставов»². Речь Карабчевский закончил словами: «И не во имя только этих несчастных, но и во имя достоинства и чести русского правосудия я прошу у вас для них оправдательного приговора»³.

После Карабчевского вторично выступил Короленко⁴. Писатель аргументированно доказал, что человеческие жертвоприношения

¹ Короленко В. Г. Избранные письма. Т. 2. С. 139.

² Карабчевский Н. П. Речи. 1882—1902 гг. Изд. 2-е, доп. СПб., 1902. С. 391.

³ Там же. С. 398.

⁴ Сохранились краткие записи его первой речи, осуществленные стенографистками. Вторую речь стенографистки, увлеченные ее содержанием, не записали. Схема и основное содержание этой речи изложил сам писатель в 1904 году. Она опубликована в книге: Батюшков Ф. Д. В. Г. Короленко как человек и писатель. М.: Задруга, 1922. С. 118—120. См. также: Короленко В. Г. Избранные письма. Т. 2. С. 209—212.

были почти у всех народов. Подробно проанализировав мифологию, фольклор удмуртского народа, его обрядность, писатель выявляет эволюцию языческих религий и постепенное их очищение и возвышение, с одной стороны, с другой — отмечает суеверия и христианского населения.

Речь Короленко, как свидетельствуют присутствующие на процессе, лилась вдохновенно, выявляя его горячее убеждение, искренность, сразу приковала внимание всех. Корреспонденты, стенографистки отложили свои карандаши, забыв о записях, боясь пропустить хотя бы одно слово. Все были захвачены, потрясены¹.

О трагизме душевного состояния Короленко можно лишь догадываться, имея в виду, что он поехал на процесс, в то время как заболела его дочь, и во время процесса он получил известие о ее смерти. После этого он много лет страдал сильнейшей бессонницей.

Все подсудимые удмурты были оправданы присяжными заседателями. Многолюдная толпа, не попавшая в зал судебного заседания, восторженно приветствовала оправданных и их защитников. Такой же отклик нашел оправдательный приговор у широкой демократической общественности и в прогрессивной печати. Представители российской интеллигенции, простые люди в многочисленных сообщениях, отчетах, телеграммах, письмах приветствовали Короленко, отмечая его исключительную роль в Мултанском деле.

Обвинение удмуртов было обвинением в адрес всей русской культуры, неспособной вековым влиянием соседа хотя бы освободить удмуртов от якобы имеющего место каннибализма. Выиграв дело мултанских удмуртов, Короленко выиграл дело русской культуры².

Проведенное следствие подтвердило незаконные действия пристава Н. А. Шмелева, урядников В. Я. Соковинова, Ф. Я. Иванова, М. Я. Рогозина. В силу амнистии 1894 года дело в отношении полицейских чинов в апреле 1896 года было прекращено. Министр юстиции Муравьев от 6 сентября 1896 года относительно действий следователя Н. С. Казанского и товарища прокурора Раевского ограничился указанием на их упущения «в видах раскрытия истины по крайнему их разумению».

¹ См.: В. Г. Короленко в воспоминаниях современников. М., 1962. С. 273—274, 384—400.

² Полянский Н. Н. Короленко в борьбе за право // Памяти В. Г. Короленко / Под ред. В. А. Мякотина. М.: Задруга, 1922. С. 61.

По мнению Короленко, «Мултанское дело прибавляет лишь новое доказательство благотворности и жизненности суда присяжных». Не суд присяжных и не судебные уставы повинны в ошибках. Их причина в системе предварительного следствия, в собирании доказательств без «соблюдения всех законных гарантий, обеспечивающих достоверность судебного материала»¹.

Судебный процесс по Мултанскому делу выявил также низкую степень общественно-правовой культуры судей, следователей, прокуроров, особенно в отдаленных местах, в провинции.

Уже через несколько месяцев после вынесения оправдательного приговора в печати началась публикация материалов, авторами которых были проф. Смирнов, публицисты *И. Дьяконов*, *Н. Кибардин*, *В. Дедлов*, целью которых было стремление подорвать объективность и справедливость оправдательного приговора. В них содержались и выпады против Короленко.

Следует особо отметить выступления и книгу священника, литератора и просветителя *Н. Н. Блинова*, который продолжал, состоя в переписке с Короленко, допускать возможность убийства человека удмуртами в качестве жертвоприношения, живучести ритуальных языческих предрассудков. Мотивы своих взглядов Блинов объяснял стремлением обратить внимание общества на «вотское племя» и убедить правительственные круги в необходимости «просвещения» удмуртов.

В. Г. Короленко снова вынужден был отвечать своим оппонентам и клеветникам («Толки печати о Мултанском деле», 1898; «Живучесть предрассудков», 1898; «Из Вятского края («Ученый труд» о человеческих жертвоприношениях)», 1898). Выступления Короленко одобрялись и были поддержаны демократической печатью, общественностью, другими серьезными исследователями (*Н. Н. Оглоблин*, *К. М. Леонтьев*, *В. М. Бехтерев* и др.).

Впоследствии Короленко дважды возвращался к Мултанскому делу в связи с публикациями, авторы которых сомневались в объективности и искренности, в частности, позиции самого В. Г. Короленко («О суде, о защите и о печати», «Бейлис и мултанцы», 1913). Эти выступления еще раз дали возможность покритиковать инквизиционную систему следствия («полицейскую инквизицию»), отметить тревожную тенденцию, состоящую в том, что правосудие «сту-

¹ *Короленко В. Г.* Собр. соч. в 10 томах. Т. 9. С. 389, 391.

пило на опасный путь, на роковую наклонную плоскость, по которой оно с тех пор лишь спускается все ниже»¹. В письме к А. Ф. Кони от 8 октября 1915 года Короленко пишет «о темных искажениях начал правосудия» в ходе ритуальных процессов. И сегодня актуально звучат слова писателя, обращенные к Кони: «Желаю Вам увидеть новое возрождение русского права, в котором Россия нуждается более, чем когда бы то ни было»².

К сожалению, кривотолки, превратное толкование, инсинуации вокруг Мултанского дела живучи, сохраняются до сих пор, ибо рождены они в силу недостаточности знаний и информации и недобросовестности тех, кто их распространяет³.

У Мултанского дела, как справедливо отмечает *А. А. Шенталин*, нет и не может быть однозначной трактовки, потому что оно как своеобразный цивилизационный индикатор отразило сложность национальных, религиозных, социально-политических и иных противоречий, раздиравших Российскую империю в конце XIX — начале XX столетий. Указанный индикатор оказался правовым по своей форме в условиях действия прогрессивных принципов правосудия, установленных судебными уставами 1864 года, и вхождения инородцев в единое правовое поле Российского государства, отказа от признания их в качестве людей «второго сорта», хотя местные власти долго еще не могли признать этого. Результаты Мултанского дела можно оценить как победу российского права и российской науки над предрассудками, невежеством и полицейско-судебным произволом⁴.

¹ *Короленко В. Г.* Полн. собр. соч. Т. 9. СПб., 1914. С. 314.

² Там же. Т. 10. СПб., 1914. С. 583.

³ На это было обращено внимание в выступлениях ораторов на научно-практической конференции, состоявшейся 6 июня 1996 года в Ижевске (Мултанское дело: история и современный взгляд: Материалы научно-практической конференции. Ижевск, 2001).

⁴ См.: *Шенталин А.* Мултанское дело в Удмуртии: 1892—1896 гг. // Весна народов: этнополитическая история Волго-Уральского региона. С. 185—188.

Против произвола и насилия. Сорочинская трагедия

С каждым новым годом в публицистической и общественной деятельности Короленко все сильнее и острее звучал призыв к упорной и настойчивой борьбе за внедрение в российское общество начал права и законности, реального правосудия. Для этого, казалось, в России наступили достаточные правовые основания, связанные с изданием 17 октября 1905 года царского Манифеста об усовершенствовании государственного порядка, в котором провозглашалась непреклонная воля царя «даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности».

В январе 1902 года Короленко ездил в Сумы на процесс павловских сектантов в качестве корреспондента «Русских ведомостей». Он с болью откликнулся на начало русско-японской войны, на «Кровавое воскресенье» («9 января в Петербурге»). В эпоху общественного подъема 1904—1906 годов Короленко вошел в «Союз освобождения», вел в печати обоснование и защиту конституционных идей, участвовал в ряде общественных демонстраций, предшествовавших октябрьскому Манифесту Николая II. После опубликования Манифеста Короленко выступил с популярным разъяснением его положений, в том числе о значении конституционных гарантий и личных свобод («Письма к жителю городской окраины»). В своих публикациях Короленко настаивал на необходимости последовательного проведения начал, провозглашенных Манифестом 17 октября, и разоблачал лицемерную политику правительства, стремившегося сохранить полицейское государство, самодержавный строй.

Короленко продолжает обличать укоренившиеся в российской действительности беззаконие, насилие и произвол вопреки установ-

лениям и призывам Манифеста от 17 октября 1905 года. Он описывает жуткие «картины дознания» (избиение, пытки), учиняемые в деревнях десятскими, урядниками, приставами, жестокости в каторжных тюрьмах («В успокоенной деревне (Картинки подлинной действительности)», «Истязательская оргия» и др.).

Власть продолжала рассеивать иллюзии относительно общегражданских прав и свобод народа. Открытый произвол и насилие — без следствия и суда — продолжались.

Сорочинская трагедия

В Сорочинцах Полтавской губернии был арестован в административном порядке крестьянин Безвиконный. Крестьяне ответили на противозаконный арест тем, что сами арестовали пристава и урядника. Чтобы вразумить сорочинцев, из Миргорода приехал исправник Барабаш с сотней казаков. Во время переговоров с толпой, собранною на площадь набатом, какая-то женщина ткнула палкой в морду коня начальника отряда. Она тут же была застрелена. Произшла свалка и затем избиение сорочинцев, в результате оказались убитыми исправник Барабаш и 20 сорочинских жителей (считая и тех, которые умерли от ран позднее). Сорочинцы были «усмирены».

Казалось бы, следующим актом трагедии должен быть суд. Вместо этого в Сорочинцы был командирован старший советник Полтавского губернского правления Филонов. 22 декабря казаки согнали на площадь сорочинских жителей от мала до велика. Филонов поставил всю тысячную толпу на колени в снег и продержал более четырех часов. После этого начался «допрос»: как только вызванный для допроса раскрывал рот, так Филонов бил его по лицу и затем передавал казакам для истязания. Не удовлетворившись этим, Филонов отдельно поставил на колени всех евреев и приказал казакам бить их без разбора, и те колотили их поголовно. Из Сорочинцев Филонов проследовал в местечко Устивицу, жители которого провинились тем, что, решив на сходе о закрытии винной монополии, привели его в исполнение, не дожидаясь получения официального разрешения, — и над ними Филонов произвел также жестокую экзекуцию.

Описанные события послужили для Короленко поводом выступить в местной газете «Полтавщина» с «открытым письмом статскому советнику Филонову». Перечисляя в нем все зверства, учиненные

Филоновым, Короленко так заканчивал свое письмо: «Теперь, г. статский советник Филонов, я буду ждать. Я буду ждать, что если есть в нашей стране хоть тень правосудия... то кто-нибудь из нас должен сесть на скамью подсудимых и понести судебную кару. Вы или я. Вы — так как вам гласно кинута обвинение в деяниях, противных служебному делу, достоинству и чести... Если вы можете отрицать это, то я охотно займу ваше место на скамье подсудимых и буду доказывать, что вы совершили больше, чем я здесь мог изобразить».

После такой публикации газета была закрыта, а Филонов вскоре был убит в Полтаве. Писателю суждено было пережить тяжелый год, в течение которого продолжалась ожесточенная травля Короленко на страницах печати и даже с думской трибуны; сама жизнь его подвергалась серьезной опасности. Короленко обвиняли в моральном подстрекательстве к убийству Филонова.

Однако возможность доказать правоту обвинений, предъявленных Филонову, у Короленко все-таки не была отнята. Он был привлечен к судебной ответственности. Данные судебного расследования целиком подтвердили все изложенные Короленко в его письме факты; дело пришлось прекратить¹.

Общие выводы, которые Короленко делал из сорочинской трагедии, просты: когда администрация выступает в роли суда, то она совершает произвол и месть за неповиновение, а для обеспечения «прав истины» нужна независимая печать.

В защиту еврейского народа. Дело Бейлиса

В царской России еврейский вопрос всегда был острополитическим. С нарастанием глухой реакции самодержавное правительство и поддерживавшие его черносотенцы, реакционная печать устроили гонение на евреев, организовали их прямую травлю, дойдя до подстрекательства к еврейским погромам. В таких условиях Короленко, как гуманист, выступил в печати мужественным защитником еврейского народа, разбивая изуверские наветы и разоблачая весь ужас творимых над евреями насилий и зверств.

В июне 1903 года Короленко в качестве корреспондента «Русских ведомостей» поехал в Кишинев на место еврейского погрома, после чего написал очерк «Дом № 13», не разрешенный цензурой к опубликованию. В собрании сочинений Короленко есть целый раздел, озаглавленный: «К еврейскому вопросу». В нем помещены очерки «Дом № 13», «К истории еврейского вопроса в русской печати», «К вопросу о ритуальных убийствах», предисловие к «Собранию речей по делам о еврейских погромах» и статьи, написанные во время слушания дела Бейлиса.

Дело Бейлиса

В 1911 году в Киеве был обнаружен труп убитого русского мальчика Андрея Ющинского. В его убийстве с ритуальной целью был обвинен еврей Мендель Бейлис, приказчик кирпичного завода.

¹ Более подробно об этом см. статью Короленко «Сорочинская трагедия» // *Короленко В. Г. Собр. соч. в 10 томах. Т. 9. С. 423—471.*

Дело Бейлиса¹ было сфабриковано полицейскими и жандармами, прокуратурой, оно основывалось на лжесвидетельствах, антинаучными были и заключения экспертов, все доказательства вины Бейлиса были подложными. Организаторы дела Бейлиса знали, что обвинение выдуманно, что судят невиновного человека. Они скрыли подлинных убийц. М. Бейлис дважды предавался суду в обстановке антисемитской и националистическо-погромной агитации. Дело Бейлиса получило колоссальный резонанс в России и во всей Европе, не так давно пережившей дело Дрейфуса.

В течение двух лет Короленко внимательно следил за предстоящим новым ритуальным процессом. Он участвовал в совещаниях адвокатов и общественных деятелей, которые готовились к Киевскому процессу. Написанное им обращение «К русскому обществу (по поводу кровавого навета на евреев)» было подписано также А. Горьким, Л. Андреевым, А. Серафимовичем, Я. Купалой, В. Засулич и другими. Оно было напечатано в газете «Речь» 30 ноября 1911 года и затем перепечатано многими столичными и провинциальными изданиями.

В связи с резким ухудшением здоровья врачи запретили Короленко не только участвовать на процессе Бейлиса в качестве защитника, но и присутствовать на суде. Однако, когда начался процесс, Короленко, как он писал в письмах, «не мог во время этой подлости найти себе места в Полтаве» («сидеть здесь и только читать газеты — не могу»)². Впечатление от суда у Короленко было однозначным: «Суд по-прежнему старается обелить воров (речь идет о причастности к убийству воровской шайки Веры Чеберяк.— *Н. В.*) и обвинить невинного»³. Короленко язвительно замечает, что «все это не правосудие, а какой-то шабаш; прямо какая-то Лысая гора, а не суд»⁴ (в украинской мифологии на Лысой горе совершали свои оргии черти, ведьмы, вурдалаки.— *Н. В.*).

¹ Более подробно о деле Бейлиса см.: *Тагер А. С.* Царская Россия и дело Бейлиса. Изд. 2-е. М.: Огиз, 1933.

² *Короленко В. Г.* Собр. соч. в 10 томах. Т. 9. С. 762; *Короленко В. Г.* Избранные письма. Т. 2. С. 328.

³ См.: Там же.

⁴ *Короленко В. Г.* Избранные письма. Т. 2. С. 326.

В деле Бейлиса Короленко — в скромной роли корреспондента «Русских ведомостей». С 19 октября 1913 года в печати публикуются корреспонденции Короленко о процессе Бейлиса (всего около пятнадцати очерков и статей). Наиболее известной и принципиальной для оценки суда («судебной подлости») были две статьи «Господа присяжные заседатели». В них он обратил внимание читателей на односторонний «серый» состав присяжных заседателей, которым предстояло вынести приговор о Бейлисе. Заинтересованный этим обстоятельством, Короленко произвел маленькое расследование: сравнил состав присяжных заседателей того отделения Киевского суда, в котором слушалось дело Бейлиса, с составом присяжных в других отделениях суда в то же время. Он оказался весьма и весьма непредставительным. Короленко ищет объяснения и не находит удовлетворительного ответа. Ему было сказано: прежде состав присяжных заседателей был гораздо интеллигентнее, потому что к исполнению этой повинности больше привлекался город и меньше деревня; теперь сочли нужным восстановить равновесие между городом и уездом.

Естественно, Короленко задает вопрос: «Да, но почему систему составления годового списка присяжных понадобилось изменить как раз в год процесса Бейлиса, и почему новая система так неблагоприятно отразилась именно на составе присяжных по делу Бейлиса». В одном из писем Короленко более категоричен, полагая, что состав присяжных заседателей был подобран полицией и административной комиссией, которая составляла списки тенденциозно, так как в него не была включена интеллигенция¹, а пять присяжных заседателей оказались членами черносотенного «Союза русского народа».

За статью «Господа присяжные заседатели» на выпуск газеты «Русские ведомости» был наложен арест, а редактор газеты и Короленко привлечены к судебной ответственности. Судебное дело, грозившее Короленко заключением в крепости, тяготело над ним в течение нескольких лет, и только Февральская революция 1917 года списала его в архив.

Еврейский вопрос вставал перед Короленко и в советское время, правда, в весьма своеобразном контексте. 15 марта 1919 года в своем дневнике он пишет о еврейском погроме в Подольской губернии,

¹ *Короленко В. Г.* Письма. 1888—1921. Петроград, 1922. С. 315.

замечая при этом: «Воскресают времена самого неподдельного варварства!»¹. Спустя несколько дней, 21 марта, в дневнике есть и такая запись: «Среди большевиков — много евреев и евреек. И черта их — крайняя бестактность и самоуверенность, которая кидается в глаза и раздражает. Наглости много и у не евреев. Но она особенно кидается в глаза в этом национальном облике»². В дневнике от 13 мая 1919 года Короленко снова замечает: «Мелькание еврейских физиономий среди большевистских деятелей (особенно в чрезвычайке) разжигает традиционные и очень живучие юдофобские инстинкты»³.

¹ *Негретов П. И.* В. Г. Короленко. Летопись жизни и творчества. 1917—1921 / Под ред. А. В. Храбровицкого. М.: Книга, 1990. С. 96.

² Там же. С. 97.

³ Там же. С. 106.

«Не раздувайте вражду между народами»

Короленко был чужд «великорусскому национализму». Он не идеализирует русский народ (отстающий в политической, правовой и нравственной культуре), а тем более не оправдывает колониальную политику царского самодержавия. В одной из статей в 1918 году Короленко пишет: «Мне случалось защищать мужиков-вотяков в Вятской губернии, русских мужиков в Саратовской, сорочинских украинцев в Полтавской — против истязаний русского чиновника. Вотяк, черемис, еврей, великоросс, украинец — для меня были одинаково притесняемыми людьми»¹.

В то же время он решителен в своих выступлениях по поводу клеветнических наветов на русский народ и на Россию, повинных якобы в голоде в Украине. Россия, писал Короленко, «никогда не была баловнем политических судеб ни при царях, ни при большевизме и никогда не была пауком, высасывающим Украину-пасынка в пользу балованных якобы детей царизма...». И далее: «Не раздувайте вражду между двумя братскими народами, триста лет делившими долгое горе рабства и радости кратких минут освобождения»².

Проживая в Украине, Короленко был свидетелем решения украинского вопроса, понимая, что это «своего рода запутанный узел, который многие стремятся разрубить в угоду поверхностному и ложно понимаемому «русскому патриотизму»³. Писатель, с одной стороны, осуждает тех, кто игнорирует украинский язык, украинскую

¹ *Негретов П. И.* В. Г. Короленко. Летопись жизни и творчества. 1917—1921 / Под ред. А. В. Храбровицкого. М.: Книга, 1990. С. 61.

² Там же. С. 33.

³ Там же. С. 130.

культуру, традиции и менталитет украинского народа. На съезде учителей в Полтаве Короленко выступает в защиту преподавания на родном украинском языке — языке Шевченко, Котляревского, Кулиша¹. Материнский язык миллионов людей, по его мнению, имеет право на признание в школе, в литературе, в обычном обиходе². С другой стороны, он, учитывая состав населения Украины, — против насильственной «украинизации», «украинства», как отвратительного национализма, против моментального, искусственного введения, в частности, украинского языка как государственного³.

В. Г. Короленко стоял на позиции единения русской и украинской культур, их взаимного обогащения и развития. В письме к педагогическому совету первой украинской гимназии в Полтаве он писал: «Наряду с освободившейся украинской пусть процветает и свободная русская школа, как проявления двух тесно связанных и родственных культур, которым предстоит много великой и благородной работы. Поле просвещения широко. На нем много места для всех»⁴. Писателя-гуманиста особенно волнует вопрос о воспитании детей, подрастающего поколения — будущего любой нации. «Но что будет сделано для детей, — отмечает Короленко в заявлении в Совет защиты детей, — должно быть сделано на широком основании терпимости, братства, отсутствия национальной исключительности. Нужно стремиться к тому, чтобы путем дружной работы установить известную близость и общность колоний местных и российских, христианских, еврейских и мусульманских, и нужно, чтобы население видело эту общность и само проникалось духом солидарности и братства»⁵.

Короленко призывал не раздувать вражду между народами, не возбуждать ненависть к народам, «так давно делившим общие судьбы и общие страдания», считал такие призывы «противокультурными», преступными. Разжигание межнациональной розни особо опасно в условиях всеобщей вражды, ненависти и мести, порождающих преследования и жестокости.

¹ *Негретов П. И.* В. Г. Короленко. Летопись жизни и творчества. 1917—1921 / Под ред. А. В. Храбровицкого. М.: Книга, 1990. С. 15, 36.

² *Короленко В. Г.* Была бы жива Россия!: Неизвестная публицистика. 1917—1921. М.: Аграф, 2002. С. 240—242.

³ Там же. С. 55, 66.

⁴ Там же. С. 79.

⁵ *Негретов П. И.* В. Г. Короленко. Летопись жизни и творчества. 1917—1921 / Под ред. А. В. Храбровицкого. М.: Книга, 1990. С. 104.

О свободе слова

С непреклонной убежденностью и мужеством Короленко неустойчиво отстаивал свободу мысли, свободу слова и печати в роли автора, редактора, участника судебных процессов. Защищал он свою свободу и свободу других: «У меня навсегда осталось религиозное почтение к свободе чужого убеждения и чужой веры»¹.

В условиях царского самодержавия в печати была жесткая цензура. Ее действие многократно испытывал на себе Короленко. Как издатель и редактор «Русского богатства», он неоднократно привлекался к судебной ответственности за публикацию произведений, не устраивающих власть предрержащих.

Один из первых рассказов В. Г. Короленко «Чудная», написанный в 1880 году в тюрьме, был опубликован лишь в Девятой книге «Русского богатства» за 1905 год (номер же был конфискован ввиду напечатания статьи другого автора). В 1894 году Короленко пришлось объясняться в департаменте полиции по поводу появления за границей «Воспоминаний о Чернышевском». Цензурой были запрещены публикация «Федора Бесприютного» (1886), статей о студенческих волнениях («Русское богатство». 1899. № 3), Декларации В. С. Соловьева (1903). В 1905 году было запрещено издание «Русского богатства» за напечатание Манифеста Петербургского Совета рабочих депутатов, а сам Короленко, как редактор журнала, был привлечен к суду (в 1906 году вынесен оправдательный приговор). В следующем году Короленко снова привлекается к судебной ответственности за

¹ *Негретов П. И.* В. Г. Короленко. Летопись жизни и творчества. 1917—1921 / Под ред. А. В. Храбровицкого. М.: Книга, 1990. С. 147.

напечатание «Открытого письма Филонову» (издание «Русского богатства» было приостановлено). Закрываются и другие издания («Современные записки», «Полтавщина», «Чернозем»), в которых печатались произведения Короленко. Десятая книжка «Русского богатства» была арестована в связи с опубликованием в ней статьи Короленко «Черты военного правосудия». Брошюра «Слова министра — дела губернаторов» была конфискована (1906). В. Г. Короленко, как редактор, был приговорен судом к двухнедельному аресту за публикацию в Девятой книге «Русского богатства» за 1907 год статьи С. Я. Елпатьевского «Люди нашего круга». В апреле 1912 года Короленко в одном из писем писал: «Судами оброс, как корой: на две недели присужден и еще ждет суд за пять статей»¹.

В 1912 году состоялся суд за печатание в «Русском богатстве» рассказа Л. Толстого «Посмертные записки Федора Кузьмича» (вынесен оправдательный приговор). За статью «Господа присяжные заседатели» по делу Бейлиса в 1913 году Короленко был привлечен к суду. Военная цензура в 1914 году запрещает публикацию в собрании сочинений Короленко статей «Бытовое явление», «Черты военного правосудия», «О свободе печати».

Революции не оправдали надежд Короленко на осуществление свободы слова и печати, хотя писатель продолжает выступать за «независимое слово, которое стоит на страже терпимости, свободы и права»².

Свободу слова и печати Короленко рассматривает в неразрывной связи со свободой мнений и убеждений, выражаемой путем печатного слова, а также в таких институтах демократии, как выборы, деятельность политических партий, общественных объединений, проведение собраний, митингов, организация местного самоуправления и другое.

Народная воля должна быть выражена на свободных выборах, которые предполагают гарантии и права меньшинства на выражение своей точки зрения по обсуждаемым вопросам. Свобода мысли предполагает наличие в выборных органах *меньшинства*, которое явилось бы носителем необходимого опыта к преемственности деловых общественных навыков с тем, чтобы «новое содержание муниципаль-

ной работы не расплывалось излишне в общих идеях и теоретических отвлеченностях»¹ («К городским выборам»).

Приветствуя всеобщее голосование, Короленко выступает за честные выборы, против их фальсификации и «насилования», особенно в условиях политической неразвитости народа, его безграмотности, неумения разбираться в идеях и направлениях, недостатка известных народу деятелей. Короленко хорошо понимает «изнанку свободы выборов», в результате чего искажается народное мнение. Он предупреждает и призывает: «Долой демагогов и излишнее политиканство!»² («Письмо по поводу выборов», «Об элементарной политической честности», «Побольше честности»).

Что касается свободы слова и печати, то, по мнению Короленко, советская власть пошла дальше царского самодержавия, так как ее принципы были объявлены «буржуазными предрассудками». Сразу же была введена предварительная цензура, стали насильственно закрываться независимые газеты, редакторы и сотрудники печатных изданий подвергались арестам за «контрреволюционность», типографии были реквизированы. Эти явления были логическим сопровождением всякого насилия.

На введение цензуры В. Г. Короленко моментально откликнулся статьей «Опять цензура». В «Русских ведомостях» (1917, 18 ноября) напечатан протест Короленко в защиту свободы печати. По мнению писателя, водворилась худшая и самая унижительная цензура, потому что эта цензура партийная и самозванная, без всякого права, это попытка одной партии наложить печать молчания на остальное, инакомыслящее и не разделяющее ее ожиданий. Цензура установлена без всякого права и в интересах узкопартийных и односторонних³.

«Ленинский проект «свободы печати», по мнению Короленко, предполагает искоренение всей печати, кроме большевистской, своей смелостью превосходит самые безумные мечты царских ретроградов»⁴. Факты убеждали Короленко, что большевизм убил свободную печать. В статье «Торжество победителей» («Русские ведомости» от 3 декабря 1917 г.), обращаясь к власти, торжествующей победу, он

¹ *Негретов П. И.* В. Г. Короленко. Летопись жизни и творчества. 1917—1921 / Под ред. А. В. Храбровицкого. М.: Книга, 1990. С. 24.

² Там же. С. 23.

³ Там же. С. 43.

⁴ Там же. С. 38.

¹ *Короленко В. Г.* Собр. соч. в 10 томах. Т. 9. С. 762.

² *Негретов П. И.* В. Г. Короленко. Летопись жизни и творчества. 1917—1921 / Под ред. А. В. Храбровицкого. М.: Книга, 1990. С. 66.

писал: «...Вы боитесь свободного слова так же, как боялось его самодержавие в периоды наибольшего могущества. И вот почему вы стремитесь уничтожить независимую литературу. Вы закрываете газеты, вы арендуете редакторов и сотрудников «за направление», вы вводите самое ненавистное и самое глупое из орудий царского гнета — предварительную цензуру»¹.

Факт ожесточенного преследования независимого слова, полагает Короленко, глубоко знаменательный и симптоматичный. Как и самодержавие, большевистская власть говорит: только тот, кто признает и прославит меня, имеет право на существование. Подчинитесь или погибнете. По случаю 100-летнего юбилея И. С. Тургенева в статье «Тургенев и самодержавие» Короленко отмечает, что независимая литература видит, что в основе этой новой власти — прежняя ложь. Вся сила литературы в независимости и правде. Обещание прославить строй, преследующий по-старому независимость слова и свободу, обречено на бессилие и мертвенность².

В. Г. Короленко решительно выступал против отрицания положительных достижений буржуазной демократии. В частности, свободу голосования, свободу слова печати он рассматривал как общенародное достояние, хотя самодержавное правление «никогда не знало вполне этих свобод и не научилось пользоваться ими совместно с народом»³. Он был убежден, что при переходе от настоящего к будущему не все подлежит уничтожению и разгрому. «Свобода мысли, слова и печати, собраний — не простые «буржуазные предрассудки», а необходимое орудие дальнейшего будущего, своего рода палладиум, который человечество добыло путем долгой и небесплодной борьбы и прогресса»⁴. Между тем отсутствие свободной печати, как убеждает Короленко, «делает власть глухой и слепой на явления жизни»⁵. Несмотря на цензуру и другие ограничения свободы слова и печати, Короленко, обращаясь к съезду журналистов в Киеве (июнь 1918 г.), подчеркивал, что «роль печати в настоящее время особенно трудна и почетна». И далее он отмечает: «Торжествующая партия стремится

по инерции, даже восстанавливая одно право, — нарушить другое. Торжество ее стихийно переходит в насилие произвола и мести. На этом пути она неизменно встречает независимое слово, которое стоит на страже терпимости, свободы и права, отравляя таким образом полноту торжества победителей»¹.

В. Г. Короленко был реалистом и понимал, что всякая свобода ограничена ответственностью и обязанностями тех, кто ее осуществляет. В полной мере это требование относится и к свободе слова и печати. С одной стороны, «свобода — это воздух, без которого не может существовать печать и без которого она гложет... Лучше даже злоупотребления свободой, чем ее отсутствие. Без нее печать мертва»². С другой стороны, по мнению Короленко, «конечно, если допустить полную свободу, много бы расцвело и нежелательного»³. Так, замечает писатель в статье «Пределы свободы слова» (10 мая 1918 г.), когда, например, одна большевистская газета, перечислив по именам идейных противников большевизма, восклицала затем: «И эти люди еще живы», — то все разумные люди понимали, что газета перешагнула за пределы свободы⁴ («Пределы свободы слова»).

¹ *Негретов П. И.* В. Г. Короленко. Летопись жизни и творчества. 1917—1921 / Под ред. А. В. Храбровицкого. М.: Книга, 1990. С. 43.

² Там же. С. 83—84.

³ Там же. С. 248 (четвертое письмо к А. В. Луначарскому).

⁴ Там же. С. 256 (пятое письмо к А. В. Луначарскому).

⁵ Там же.

¹ *Негретов П. И.* В. Г. Короленко. Летопись жизни и творчества. 1917—1921 / Под ред. А. В. Храбровицкого. М.: Книга, 1990. С. 66.

² Там же. С. 207.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 62.

«Святость человеческой жизни».

О смертной казни

Уважение любой человеческой жизни — безусловный нравственный и правовой императив для В. Г. Короленко. Он в ряде статей и заметок бичует ужасные нравы русской жизни, в частности в военной среде. Так, офицеры безнаказанно позволяли себе насилие над штатскими лицами, применяли силу и оружие против солдат и обывателей.

Свой горячий протест Короленко возвышает против открытого насилия и беззакония в тюрьмах и полицейских частях, выступает против практикуемых в них пыток над подсудимыми и обвиняемыми.

О смертной казни

После принятия Манифеста от 17 октября 1905 года Короленко публикует статьи о смертных казнях, широко применяемых военно-полевыми судами в ускоренном порядке, без права на защиту и других гарантий правосудия. Всю силу своего таланта Короленко направил на борьбу с применявшими смертную казнь военно-полевыми судами и с самой этой казнью. В «Бытовом явлении (Заметки публициста о смертной казни)» и «Чертах военного правосудия» писатель откровенно и убедительно показывает, что в российском обществе смертная казнь стала «бытовым явлением», «простым и будничным делом».

«Вместе с конституцией (Короленко имеет в виду Манифест от 17 октября 1905 года. — *Н. В.*), — пишет автор, — вошла смертная

казнь как хозяйка в дом русского правосудия. Вошла и расположилась прочно, надолго, как настоящее бытовое явление, затяжное, повальное, хроническое...»¹. В. Г. Короленко воспроизводит перед своими читателями позорные и отвратительные черты этого укоренившегося в русской жизни «бытового явления», с потрясающей силой рисуя картины мучительных ночей, переживаемых «смертниками», когда в каждом шорохе, в каждой скрипе дверей слышится приближение смерти. Писатель достоверно описывает последние свидания приговоренных к смерти с родными, попытки самоубийством предотвратить казни, многочисленные вопиющие примеры непоправимых судебных ошибок.

Превосходной назвал Л. Н. Толстой статью «Бытовое явление» по выражению, по мысли и, главное, по чувству. «Ее надо перепечатать и распространять в миллионах экземпляров, — пишет Толстой автору статьи. — Никакие думские речи, никакие трактаты, никакие драмы, романы не произведут одной тысячной того благотворного действия, какое должна произвести эта статья»².

В публицистике Короленко нет высокопарных слов и фраз, в ней чувствуются острая боль и сопереживание человека, заглянувшего в чужую, трепещущую в предсмертных судорогах душу. Возможным это стало в силу не только художественного дарования Короленко, но и его большого, доброго, полного живой и деятельной любви сердца. Когда дочитываешь, к примеру, статью Короленко «Бытовое явление» до конца, чувствуешь глубокую искренность его заключительных слов: «Читать это тяжело. Писать, наверное, еще во много раз тяжелее».

Не уступая в аргументации профессиональным юристам, Короленко дает уничтожающую критику «военного правосудия» за отсутствие в нем элементарных гарантий от напрасной смерти и от «риска судебного убийства».

Силы слова Короленко, его выступлений оказалось недостаточно для того, чтобы отменить смертную казнь в России. Однако в отдельных случаях ему через печать и личные хлопоты все же удавалось освободить людей, уже находившихся в руках палача. «Порой, — как отмечал сам Короленко в первом письме к А. В. Луначарскому

¹ Короленко В. Г. Собр. соч. в 10 томах. Т. 9. С. 478.

² Толстой Л. Н. Переписка с русскими писателями в 2 томах. Т. 2. М.: Гослитиздат, 1978. С. 420.

от 19 июня 1920 года,— мне удавалось даже спасать уже обреченные жертвы военных судов, и были случаи, когда после приостановления казни получались доказательства невиновности, и жертвы освобождались (например, в деле Юсупова), хотя бывало, что эти доказательства приходили слишком поздно (в деле Глускера и др.)»¹.

Чеченец Юсупов за грабеж был приговорен к смертной казни. Короленко ходатайствовал перед главным военным прокурором генералом Н. Н. Масловым, который приостановил исполнение приговора. В результате административного расследования и выявления лжесвидетельства смертный приговор был отменен.

Дело по обвинению Глускера в убийстве еврейской семьи Быховских получило широкую известность. Хотя у Глускера было алиби, суд приговорил его к смертной казни. Глускера повесили, а вскоре были выявлены настоящие убийцы. Хотя Короленко и не сумел помочь невинно осужденному, он придал этому делу гласность («Черты военного правосудия») и назвал циничным заявление одной из газет, что суд не мог доверять свидетелям-евреям, «которые тысячелетиями всегда лгут и которым их закон вменяет в обязанность врать».

В 1911 году Короленко хлопотал о Лагунове, стрелявшем в Чите в начальника тюрьмы (смертная казнь была отменена), а в 1912 году — о приговоренном на Кавказе к смертной казни Ирлине, который был казнен («Крест и полумесяц»).

В первом письме к А. В. Луначарскому Короленко писал: «При царской власти я много писал о смертной казни и даже отвоёвывал себе право говорить о ней печатно много больше, чем это вообще было дозволено цензурой»². Писатель подчеркивает, что даже в царской казни без суда в административном порядке были величайшей редкостью (например, расстрел без суда Варшавским генерал-губернатором Скаюном двух юношей). Эти факты вызывали всеобщее осуждение и негодование. Далее Короленко отмечает, что слова «смертная казнь» в большевистском лексиконе не существует, оно заменяется термином «высшая мера наказания», но «никогда не было столько смертных казней, как теперь»³. В условиях чрезвычайщины и «чрезвычайка», красного и белого террора «пропало всякое уважение к жизни человеческой».

¹ *Негретов П. И.* В. Г. Короленко. Летопись жизни и творчества. 1917—1921 / Под ред. А. В. Храбровицкого. М.: Книга, 1990. С. 233.

² Там же.

³ Там же. С. 207.

В. Г. Короленко клеймит репрессии чрезвычайных следственных комиссий, выносящих в административном порядке смертные приговоры, осуществляющих административные, в том числе коллективные, расстрелы. Он приводит случаи расстрелов невинных людей (расстрел Аронова и Минкина за хлебную спекуляцию, хотя было известно, что власти не усмотрели с их стороны нарушение декретов). «Я никогда не думал,— отмечает Короленко в третьем письме к А. В. Луначарскому,— что мои протесты против смертной казни, начавшиеся с «Бытового явления» еще при царской власти, когда-нибудь сведутся на скромные протесты против казней бессудных или против детоубийства»¹. Но и в этих случаях Короленко не может отступить, не может молчать: «Насколько мой слабый голос будет в силах, я до последнего дыхания не перестану протестовать против бессудных расстрелов и против детоубийства»².

Наблюдая те ужасы, страшные преступления, которые приобрели массовый характер, Короленко более осторожен при решении вопроса о существовании такой меры уголовного наказания, как смертная казнь. Имея в виду свои предыдущие выступления по этому вопросу, он заметил: «Я писал больше об ошибках нашей юстиции, чем против самой смертной казни, о неправильностях правосудия»³.

В дневнике Короленко от 10 апреля 1914 года есть запись о страшном злодеянии: «Вырезали семью еврея, его жену и дочь. Преступники, зарезав еврея, кутили и насиловали жену и дочь до утра, которых зарезали после изнасилования». Запись заканчивается мыслью писателя: «... и против смертной казни таких зверей — даже я не возражаю, раз они пойманы, что бывает редко»⁴. Эту мысль Короленко подтверждает: «Умел делать мерзости хуже убийства, имей силу и поплатиться за это смертью»⁵.

Не возражая против смертной казни как исключительной меры уголовного наказания с учетом состояния и характера преступности в обществе, Короленко считает недопустимыми бессудные смертные казни. Он неустанно повторяет, что действие следствия должно проверяться судом, при участии защиты, что недопустимо соединение

¹ *Негретов П. И.* В. Г. Короленко. Летопись жизни и творчества. 1917—1921 / Под ред. А. В. Храбровицкого. М.: Книга, 1990. С. 241

² Там же.

³ Там же. С. 87.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

функций обвинения и суда в одном административном органе, «и бандитов нельзя расстреливать так, без суда»¹.

В решении вопросов человеческой жизни, по мнению Короленко, всего важнее является гласность. «Здесь каждый шаг должен быть освещен,— обращается Короленко к А. В. Луначарскому.— Все имеют право знать, кто лишен жизни, если уж это признано необходимым, за что именно, по чьему приговору»².

Смертная казнь, как институт уголовного права и фактор уголовной политики, остается злободневным вопросом и активно обсуждается в обновляющемся ныне российском обществе. Как известно, согласно статье 20 (часть 2) Конституции РФ, смертная казнь впредь до ее отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей.

Положения Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающие смертную казнь в качестве уголовного наказания за совершение конкретных преступлений, не могут применяться судами в настоящее время. К этому есть достаточные правовые основания: подписанный Российской Федерацией протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года, согласно которому введен запрет на применение смертной казни вплоть до того момента, когда на всей территории Российской Федерации лицам, обвиняемым в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде смертной казни, будет обеспечено право на рассмотрение их дела судом присяжных. Дискуссия между противниками смертной казни и сторонниками ее применения далека от завершения.

«Обоюдное озверение» и «демон большевизма»

Короленко был непосредственным свидетелем событий в Полтаве, которая в годы революций и гражданской войны переходила «из рук в руки, от режима к режиму». Была она и под германской оккупацией, испытала власть «Рады», гетманцев, петлюровцев, большевиков (три раза), была в руках повстанцев («почти разбойников»), заглядывал сюда и «анархист» Махно («мефистофельская гримаса на лице революции»). Все это сопровождалось «обоюдным озверением» — белым и красным террором. Всякая смена властей несла новую волну преследований, мести, жестокостей. Массовые аресты, постоянные реквизиции у населения, расстрелы без следствия и суда, взятие в заложники, наплыв беженцев — все это было обычным явлением в условиях и красного, и белого террора.

Недоумение у Короленко вызвала опубликованная в газете статья Г. Пятакова «Да здравствует красный террор!». Оценка была однозначной: «Не восхвалять надо террор, а предостерегать против него, откуда бы он ни исходил»¹. И все еще веря в благоразумие противоборствующих сторон, он обращался к обоим силам: «И благо той стороне, которая первая сумеет отрешиться от кровавого тумана и первая вспомнит, что мужество в открытом бою может идти рядом с человечностью и великодушием к побежденному»². Эту мысль Короленко повторяет раз за разом³.

¹ *Негретов П. И.* В. Г. Короленко. Летопись жизни и творчества. 1917—1921 / Под ред. А. В. Храбровицкого. М.: Книга, 1990. С. 235.

² Там же (письмо В. Г. Короленко к А. В. Луначарскому от 19 июня 1920 г.).

¹ *Негретов П. И.* В. Г. Короленко. Летопись жизни и творчества. 1917—1921 / Под ред. А. В. Храбровицкого. М.: Книга, 1990. С. 110.

² Там же. С. 110—111.

³ Там же. С. 111, 112—113.

Большевики, свидетельствует Короленко, не только призывали к красному террору, но и установили его в самых отвратительных его проявлениях, что было признаком не силы, а слабости и страха¹. Действовали чрезвычайные комиссии, которые применяли массовые аресты и расстрелы без суда и следствия, устанавливались принудительные работы, проводились бесконечные реквизиции имущества, хлеба в деревнях и селах. «Для русского (запись в дневнике Короленко от 25 мая 1919 года. — *Н. В.*) теперь нет неприкосновенности своего очага, особенно, если он «буржуй». Нет ничего безобразнее этой оргии реквизиций. При этом у нас в этом, как и ни в чем, нет меры. «Учреждения» то и дело меняют квартиры. Загадят одну — берут другую. «Уплотнение» тоже сомнительно: часто выдворяют целые большие семьи и вселяют небольшую семью советских служащих»².

В. Г. Короленко не видел большой разницы между новой, революционной, и жандармской охранкой. Жандармы, замечает писатель, не имели права расстреливать, а чрезвычайки «имеют это право и пользуются им с ужасающей свободой и легкостью», не стесняясь никакой судебной процедурой, без участия защиты и права проверки судов вынесению смертных приговоров³. Прежде в ходу была «неблагонадежность», теперь «контрреволюционность». Люди подвергались преследованию не только за поступки, действия, но и за образ мыслей, в том числе предполагаемый в силу классовой принадлежности. При этом писатель сразу же уловил опасный характер института «общественно опасного состояния», что предопределялось принадлежностью к классу эксплуататоров и, следовательно, соответствующим психологическим складом, враждебным диктатуре пролетариата. По мнению Короленко, это чудовищное положение, которое на место объективных признаков преступления ставило психологию и «чтение в сердцах». Это была ничем не прикрытая попытка обосновать красный террор⁴.

Чрезвычайки, как неоднократно отмечал Короленко, сразу подвинули на столетия назад от правосудия (провокации, попытки при

¹ *Негретов П. И.* В. Г. Короленко. Летопись жизни и творчества. 1917—1921 / Под ред. А. В. Храбровицкого. М.: Книга, 1990. С. 236 (письмо к А. В. Луначарскому от 19 июня 1920 г.).

² Там же.

³ Там же. С. 186. См. также: С. 258 (пятое письмо к А. В. Луначарскому).

⁴ *Короленко В. Г.* Дневник. 1917—1921. Письма. С. 201—222.

допросах, расстрелы без следствия и суда). Он напомнил всем известное старое правило: лучше оправдать 10 виновных, чем осудить одного невиновного. Но в ответ чекисты говорили ему: «При классовой борьбе мы этого не признаем. Мы считаем, что наоборот»¹. Страшным злом во время «озверения» Короленко считал неопределенность прав и обязанностей («никто не знает, кто его может арестовать и за что»²).

Как известно, все творчество и общественная деятельность Короленко были направлены на подтачивание основ самодержавного строя, проходили под знаком наступления социальной революции во имя интересов трудящихся, народа, прав и свобод человека. В. Г. Короленко всегда считал революцию высшим выражением человечности и справедливости.

После Февральской революции и «большевистского переворота» в 1917 году на русской почве, по мнению Короленко, лицом к лицу встали *две утопии*. Одна желает вернуть старое, прежний строй со всем его гнусным содержанием, слепой реакционностью. Утопии реакционной противостоит другая утопия — большевистского максимализма — с немедленным водворением социализма бюрократическими мерами³.

В. Г. Короленко, как непосредственный свидетель первоначального этапа строительства «фантастического коммунизма», сумел познать и вскрыть сущность большевизма как общественного явления.

Большевизм («демон большевизма»), по мнению писателя-публициста, есть «самоуверенная попытка меньшинства навязать кружковую диктатуру всему народу, свергнуть революционное правительство почти на пороге Учредительного собрания» посредством штыков и жестокостей, бессудных расстрелов⁴. Сила большевизма — во всякого рода демагогической упрощенности⁵. Главной из них является быстрое, немедленное введение социализма, коммунистического обще-

¹ *Короленко В. Г.* Дневник. 1917—1921. Письма. С. 209.

² *Негретов П. И.* В. Г. Короленко. Летопись жизни и творчества. 1917—1921 / Под ред. А. В. Храбровицкого. М.: Книга, 1990. С. 100.

³ *Короленко В. Г.* Дневник. 1917—1921. Письма. С. 256; *Негретов П. И.* В. Г. Короленко. Летопись жизни и творчества. 1917—1921 / Под ред. А. В. Храбровицкого. М.: Книга, 1990. С. 136, 139.

⁴ *Негретов П. И.* Там же. С. 33, 37.

⁵ Там же. С. 29.

ства, попытка это сделать декретами и предписаниями без содействия общественных сил, без демократического самоуправления, то есть приемами мертво бюрократическими. Отказ от народной инициативы и самодеятельности вредит даже лучшим начинаниям новой власти, например, в области народного просвещения, где, по мнению Короленко, сделано немало хорошего¹.

Дело не только в целях, неоднократно подчеркивал Короленко, но и в средствах. Нет целей, которые оправдывали бы всякие средства, а честные усилия и честные средства сами собой стихийно ведут к хорошим целям. Хорошие, правильные средства, основанные на хороших началах, возвышающих человека, могут сами по себе привести к хорошим целям, а одни цели, без правильных средств, — остаются в лучшем случае в воздухе, а в худшем ведут к махновщине².

Диктатура большевиков лишила революцию человечности и справедливости: «коммунистическое государство изо дня в день выхолащивает сущность революции, заменяя ее делами, оставляющими по жестокости и произволу далеко позади царские»³.

В. Г. Короленко постоянно свидетельствует о фактах самодурства большевиков, которое ничем не отличается от произвола и самодурства царской власти. Он рисует зловеще-колоритную фигуру большевика: «Это наглый «начальник», повелевающий, обыскивающий, реквизирующий, часто грабящий и расстреливающий без суда и формальностей»⁴.

Большевизм неотделим от необоснованных реквизиций, раскулачивания в деревне, от насаждения новых порядков сверху, от бюрократизма, взяток, от массового беззакония, от бессудных арестов и расстрелов, пыток и истязаний, от захвата заложников, от разгула преступности. И все это оправдывалось как революционная необходимость и целесообразность. Такая власть обречена на гибель от собственного произвола⁵ («Торжество победителей»).

¹ *Негретов П. И.* В. Г. Короленко. Летопись жизни и творчества. 1917—1921 / Под ред. А. В. Храбровицкого. М.: Книга, 1990. С. 112; С. 264 (письмо В. Г. Короленко к А. В. Луначарскому от 22 сентября 1920 г.).

² Там же. С. 73—74, 174.

³ Там же. С. 164, 186, а также: С. 258 (пятое письмо к А. В. Луначарскому); *Короленко В. Г.* Дневник. 1917—1921. Письма. С. 364.

⁴ *Короленко В. Г.* Там же. С. 88.

⁵ *Негретов П. И.* В. Г. Короленко. Летопись жизни и творчества. 1917—1921 / Под ред. А. В. Храбровицкого. М.: Книга, 1990. С. 43.

Основная ошибка советской власти, как считает В. Г. Короленко, — это попытка ввести социализм без свободы. На его взгляд, «социализм придет вместе со свободой или не придет вовсе»¹. Большевик упразднил само понятие общей свободы и правосудия, задавил печать и самоуправление. «Большевизм, — писал Короленко в очерке «Земли, земли!» — это последняя страница революции, отрешившейся от государственности, признающей *верховенство классового интереса над высшими началами справедливости, человечности и права* (курсив наш. — *Н. В.*). С большевизмом наша революция сходит на мрачные бездорожья, с которых нет выхода»².

Большевизм не мог решить главную задачу для любого нормального общества — это организация *производства*, свободной торговли, естественного обмена между городом и деревней. «Разруха производства, которой не видно конца, порождающая страдания рабочей массы, — отмечает Короленко в своем дневнике, — все это уже посеяло реакцию в довольно еще темной массе «диктатура пролетариата»³.

Одно из непосредственных последствий большевизма — обеднение России интеллигенцией. Одни погибают как инакомыслящие, другие — как прямые противники, третьи — прямо как «буржуи», четвертые — потому, что выбиты из колеи. Погибают просто от голода и холода⁴. Большевик превращается в «чистую охлократию», все более изолируется и изживает себя. «Коммуния» встречает всюду ненависть, потому что невыполнимость лозунгов становится очевидной⁵.

Где же выход?

В. Г. Короленко не только критикует новый общественный порядок, не согласуемый с человечностью и правдою, но и намечает контуры и критерии той необходимой работы, которая направлена на достижение высших заветов свободы, справедливости и права для всех.

¹ *Негретов П. И.* В. Г. Короленко. Летопись жизни и творчества. 1917—1921 / Под ред. А. В. Храбровицкого. М.: Книга, 1990. С. 111; С. 268 (письмо В. Г. Короленко к А. В. Луначарскому от 22 сентября 1920 г.).

² Там же. С. 133.

³ Там же. С. 167; *Короленко В. Г.* Дневник. 1917—1921. Письма. С. 333—334.

⁴ *Негретов П. И.* Там же. С. 148.

⁵ *Короленко В. Г.* Дневник. 1917—1921. Письма. С. 178; *Негретов П. И.* В. Г. Короленко. Летопись жизни и творчества. 1917—1921 / Под ред. А. В. Храбровицкого. М.: Книга, 1990. С. 37, 107.

Духовное завещание В. Г. Короленко

Письма Короленко к А. В. Луначарскому по праву называют его духовным завещанием. В них Короленко предстает как глубокий мыслитель — широкой эрудиции, большой нравственной силы. Он делает некоторые выводы на основе своих наблюдений и обобщений и определяет контуры будущего развития России, русского общества и государства во имя свободы и прав человека.

Идеи, мысли, которые формулировал и развивал Короленко, свидетельствуют о напряженной интеллектуальной работе писателя-публициста, о глубине проникновения его в суть происходящих событий, явлений и процессов, не засоренной какими-либо однобокими идеологическими установками. Их общечеловеческое звучание сочетается с отстаиванием интересов отечества, идей патриотизма (вспомним его расхождения с большевиками по вопросам войны, которую вела Россия с союзниками против Германии). Эти суждения как никогда созвучны с современностью.

В. Г. Короленко всегда призывал искать вечное и неизменное. При этом часто повторял, что он просто беспартийный писатель, мечтающий о праве и свободе для всех граждан нашего отечества. Право, свобода, справедливость, братство — вот те вечные идеалы, которым служил Короленко в своем творчестве и в своей общественной деятельности.

Как известно, Короленко много сделал для того, чтобы вскрыть пороки самодержавного строя. «Для России возврат к прошлому немислим, — отмечал Короленко в «Письмах из Полтавы». — Если она будет жить, то будет жить только демократической свободной жизнью»¹. Мысли Короленко устремлены в будущее. Его не устраи-

вает политика большевизма. Кое в чем, убежден писатель, советская власть пошла дальше царизма в подавлении и ограничении свободы личности, в попрании прав и свобод человека, принципов справедливости, права и правосудия.

Каким же должно быть будущее?

Конечной целью справедливой революции и подлинно общественного прогресса, по мнению писателя-гуманиста, может служить лишь обеспечение достойных условий жизни, счастья человека, его прав и свобод. Свобода, равноправие людей неотделимы от справедливости в обществе. Для Короленко безусловным является «святость человеческой жизни». Он отстаивает демократические права и свободу личности — свободу убеждений, слова и печати, митингов и шествий, неприкосновенность личности, свободу совести и вероисповедания и т. д.

В производственной сфере Короленко отстаивает идею преемственности, ибо русский капитализм со всеми его недостатками есть народное достояние, не подлежащее разграблению, а аппарат, созданный русским капитализмом, подлежал усовершенствованию, дальнейшему развитию, а не слому и уничтожению. По глубокому убеждению Короленко, «истинная победа социальной революции, если бы ей суждено было свершиться, состояла бы не в разрушении капиталистического производственного аппарата, а в овладении им и в его работе на новых началах»¹.

Отдавая должное экономике, производству («все дело в производстве»), Короленко полагал естественным обладание собственностью, свободное предпринимательство, нормальный обмен между городом и деревней, развитие кооперации, справедливое решение земельного вопроса, скорейшее проведение земельной реформы, умеренный государственный контроль в хозяйственном обороте, поощрение личной инициативы и интереса (выгоды). Отмечая разруху в экономике, Короленко убежден, что «только введение в значительной степени *личного интереса* может еще нас спасти»². В одном из писем писатель приходит к выводу: «Они (имеются в виду большевики. — *Н. В.*) убили важный стимул во всякой промышленности — личную выгоду, рассчитывая (и это очень глупо!) на одни альтруистические по-

¹ *Негретов П. И.* В. Г. Короленко. Летопись жизни и творчества. 1917—1921 / Под ред. А. В. Храбровицкого. М.: Книга, 1990. С. 245—247, 254—255 (третье и четвертое письма к А. В. Луначарскому).

² Там же. С. 201.

¹ *Негретов П. И.* В. Г. Короленко. Летопись жизни и творчества. 1917—1921 / Под ред. А. В. Храбровицкого. М.: Книга, 1990. С. 46.

буждения. По-моему, только разумная комбинация того и другого может дать то, что нужно»¹. Короленко приветствовал первые мероприятия новой экономической политики, увидев в них многое из того, о чем он писал и говорил.

В политической области Короленко был сторонником реальной демократии, при которой источником власти является народ, который участвует в честных выборах: «пусть воля большинства народа станет законом для всех». Короленко постоянно предостерегал правительство от манипуляций на выборах, от искажения народного мнения, от лжи и лицемерия.

Государственное устройство России Короленко представлял себе в виде федерации свободных народов и наций, осуществляющих «единую государственную работу». «Разумная федерация — это несомненное будущее свободной России»². В «Письмах из Полтавы» («Еретические мысли о единой России») Короленко осуждает крайний централизм и «полное подавление самых законных и жизненных стремлений отдельных национальностей» и приходит к выводу: нужно признать свободу национальных культур, полное проявление национальных особенностей. Отныне нельзя преследовать ни одного вероисповедания, ни одного языка, ни одного племени, ни одного национального сознания. Этот принцип должен лечь в основание предстоящей государственной деятельности...

«Может быть, я ошибаюсь, но будущее великой России рисуется мне в виде своего рода федерации, наподобие американских штатов с областными сеймами по вопросам местного законодательства и с общим сеймом по вопросам общегосударственным»³. В. Г. Короленко понимает всю сложность решения задачи поиска рационального сочетания централизации и децентрализации в государственном устройстве, областной самостоятельности и меры взаимодействия с центром. «Меру эту еще придется искать, может быть, с трудом и даже с частичными потрясениями,— писал Короленко в «Письмах из Полтавы». — Но найти ее необходимо»⁴.

¹ *Негретов П. И.* В. Г. Короленко. Летопись жизни и творчества. 1917—1921 / Под ред. А. В. Храбровицкого. М.: Книга, 1990. С. 202.

² Там же.

³ Там же. С. 141—142.

⁴ *Короленко В. Г.* Была бы жива Россия!: Неизвестная публицистика. 1917—1921. М.: Аграф, 2002. С. 237.

По глубокому убеждению Короленко, «право и самоуправление — единственные надежные якоря, на которых еще может укрепиться лада нашей общественности, носящаяся по воле бурных и непостоянных ветров»¹.

Достижение высоких целей и идеалов, полагает Короленко, возможно лишь на основе укрепления правовых начал, действия права, законности и правосудия, что невозможно без независимого суда, права на защиту, принципов равноправия и состязательности сторон в судебном процессе.

Для Короленко в обществе превыше всего достижение консенсуса, согласия, братства, нравственного здоровья, чтобы у людей «не замерзала совесть», высокое осознание важности отечества, воспитание чувства патриотизма.

Писатель горячо отстаивал идею мира («нужно быть на страже великого сокровища — мира»), призывал всегда защищать свободу Родины от внешнего и внутреннего порабощения, мечтал о веском голосе свободной России на «великом совещании народов, которое должно положить основы прочного мира»² («Родина в опасности», «Падение царской власти», «Война, отечество и человечество»).

В. Г. Короленко по направлению мыслей — патриот-государственник. Для него «разумное государство должно беспристрастно разыскать в прошлом глубокую правду и спокойно и беспристрастно устранить ее на будущее»³. Он за «единую великую Россию», но не ту, что была сцементирована полицейской организацией и потому развалилась на части с такой быстротой, которая способна вызвать удивление. Идеалом Короленко является такое могущественное, сильное, единое государство, которое видит, слышит и знает «мнение и волю страны», своего многонационального народа, всех слоев общества, обеспечивает свободу и справедливость в обществе, права и свободы человека на основе развития и процветания экономики, функционирования демократических институтов (выборы, партии, общественные организации, местное самоуправление), господства права, конституции и законов, осуществления демократических принципов правосудия и иных правозащитных механизмов.

¹ *Короленко В. Г.* Была бы жива Россия!: Неизвестная публицистика. 1917—1921. М.: Аграф, 2002. С. 237.

² *Негретов П. И.* В. Г. Короленко. Летопись жизни и творчества. 1917—1921 / Под ред. А. В. Храбровицкого. М.: Книга, 1990. С. 9—12, 19—20, 26—29.

³ Там же. С. 133.

Содержание

<i>Н. В. Витрук</i> . От автора	5
Основные этапы жизни и творчества	7
«В голодный год»	21
В защиту удмуртского народа. Мултанское дело	24
Против произвола и насилия. Сорочинская трагедия	44
В защиту еврейского народа. Дело Бейлиса	47
«Не раздувайте вражду между народами»	51
О свободе слова	53
«Святость человеческой жизни». О смертной казни	58
«Обоюдное озверение» и «демон большевизма»	63
Духовное завещание В. Г. Короленко	68

Научно-популярное издание

Витрук Николай Васильевич

**В. Г. Короленко -
ПИСАТЕЛЬ И ПРАВОЗАЩИТНИК**

Редактор *С. В. Матвеев*

Художник и художественный редактор *Ю. Н. Лобанов*

Операторы компьютерной верстки *И. Л. Егорова, Л. С. Чес*

Корректоры *Р. Л. Перевозчикова, Р. Г. Тимирязева*

Цифровой обработчик иллюстративного материала *О. П. Химчак*

Подписано в печать 14.07.2003. Формат 60x84^{1/16}. Бумага офс. № 1. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,19. Уч.-изд. л. 3,95. Тираж 1000 экз. Заказ № 3093.

Издательство «Удмуртия». Отпечатано с готовых диапозитивов
в Ижевской республиканской типографии.

Адрес издательства и типографии: 426057, г. Ижевск, ул. Пастухова, 13.